АНТОНЪ ДОБІАШЪ.

СИНТАКСИСЪ
АПОЛЛОНІЯ ДИСКОЛА.

ВЫПУСКЪ I.

КІЕВЪ.
Типографія К. Н. Милевскаго, Крещатикъ, д. Зейделя.
1881.

PA
3871

Оттискъ изъ Извѣстій Института Князя Безбородко. Печатано по опредѣленію Конференціи Института.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных наук
Академии Наук
1292
65

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Въ римскій періодъ развитія филологическихъ наукъ, два греческіе грамматика сурьезностью своихъ трудовъ упрочиваютъ свой авторитетъ не только среди своихъ современниковъ, но и на много столѣтій послѣ своего времени: то были отецъ съ сыномъ, жившіе къ концу 2-го столѣтія п. Р. Х., Аполлоній Дисколъ и Иродіанъ. Мы займемся первымъ изъ нихъ, Аполлоніемъ.

Свида приводитъ подъ именемъ Аполлонія цѣлый рядъ грамматическихъ сочиненій, какъ-то: περὶ μερισμοῦ τῶν τοῦ λόγου μερῶν βιβλία δ', περὶ συντάξεως τῶν τοῦ λόγου μερῶν δ', περὶ ῥήματος ἤτοι ῥηματικὸν ἐν βιβλίοις ε', περὶ τῶν εἰς μι ληγόντων ῥημάτων παραγώγων βιβλίον α', περὶ ὀνομάτων ἤτοι ὀνοματικὸν α', περὶ ὀνομάτων κατὰ διάλεκτον, περὶ τῆς ἐν θηλυκοῖς ὀνόμασιν εὐθείας α', περὶ παρωνύμων α', περὶ συγκριτικῶν, περὶ διαλέκτων Δωρίδος Ἰάδος Αἰολίδος Ἀτθίδος, περὶ σχημάτων ὁμηρικῶν, περὶ κατεψευσμένης ἱστορίας (единственное не грамматическое сочиненіе изъ всѣхъ, вычисленныхъ здѣсь), περὶ παθῶν, περὶ τόνων κατηναγκασμένων βιβλία β', περὶ τόνων σκολιῶν βιβλίον α', περὶ προσῳδιῶν ε', περὶ στοιχείων, περὶ προθέσεων, περὶ τῶν Διδύμου πιθανῶν, περὶ συνθέσεως, περὶ διφορουμένων, περὶ τοῦ τίς, περὶ γενῶν, περὶ πνευμάτων, περὶ κτητικῶν, περὶ συζυγίας.—Сохранились подъ его именемъ, кромѣ одного сочиненія, не относящагося къ грамматикѣ (περὶ θαυμασίων ἀκουσμάτων), четыре работы, а именно: περὶ συντάξεως βιβλία δ' (конецъ чегвертой книги не упѣлѣлъ), περὶ ἀντωνυμιῶν βιβλίον α' (сохр. вполнѣ; срв.: R. Schneider, zu Apollonius Dysc., Rhein. Mus. 1869, 593), περὶ συνδέσμων и περὶ ἐπιρρημάτων (цѣлость послѣднихъ двухъ сочиненій трудно и доказывать и отрицать; первое изъ нихъ имѣетъ небольшой пробѣлъ въ самомъ началѣ). Независимо отъ сочиненія περὶ ἐπιρρημάτων сохранился еще отрывокъ о нарѣчіяхъ, составляющій, по мнѣнію О. Шнейдера (O. Schneider: Ueber die Schlusspartie des Apollonius Dysc. περὶ ἐπιρρημάτων, Rh. Mus. 1845), часть пропавшаго конца сочиненія

«περὶ συντάξεως», а затѣмъ имѣются еще двѣ небольшія замѣтки о мѣстоименіи, включаемыя нашими учеными (смотри выше указанную статью въ Rhein. Mus. 1869, стр. 595) въ сочиненіе ῥηματικόν.

Очень правдоподобно, что списокъ Аполлоніевыхъ сочиненій у Свиды съ одной стороны не полонъ, а съ другой стороны заключаетъ въ себѣ много лишняго, выдавая, быть-можетъ, за особыя сочиненія такія статьи, которыя на дѣлѣ составляли только часть другихъ трудовъ, встрѣчающихся въ томъ же спискѣ подъ болѣе общимъ заглавіемъ. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, изъ разсмотрѣнія этого списка безспорнымъ становится то, что Аполлоній, въ своихъ занятіяхъ по грамматикѣ, не ограничивался исключительно какимъ нибудь однимъ отдѣломъ ея, а что дѣятельность его въ разрабатываніи этой науки была самая разносторонняя. То же подтверждается и содержаніемъ сохранившихся его трудовъ.

Двое изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ Аполлонія, Дронке (G. Dronke) и Улигъ (G. Uhlig), взялись даже доказывать (первый въ изслѣдованіи «De Apollonii τέχνη γραμματική» Rhein. Mus. 1857, а послѣдній въ небольшой статьѣ «Die τέχναι γραμματικαὶ des Apollonius u. Herodian», Rhein. Mus. 1870), что всѣ уцѣлѣвшія и большинство пропавшихъ сочиненій Аполлонія были только части одного, *полнаго* грамматическаго compendium'a, или, какъ еще иначе выражаются, одной τέχνη γραμματικὴ, изданной имъ сразу и составленной по особому плану, припадлежащему Аполлонію же, и что латинская грамматика Присціана чуть ли не вся списана съ этой τέχνη.

На ученіе Дронке и Улига объ Аполлоніевой τέχνη γραμματική и объ отношеніи ея къ Присціановымъ institutiones указывается какъ на слишкомъ смѣлое (смотри прежде всего: 1. E. Hiller, Neue Jahrbücher f. Philologie u. Paed. 1871, стр. 620 и слѣд.; 2. R. Skrzeczka, тамъ же, стр. 630 и слѣд.). Хотя мы находимъ отвѣты ученыхъ на статьи Дронке и Улига не вездѣ правильными и, во всякомъ случаѣ, очень не полными, однако сами въ подробности этого вопроса входить не станемъ, такъ какъ разборъ этихъ подробностей потребовалъ бы много мѣста и отвлекъ бы насъ отъ главной нашей задачи. Только въ виду лучшаго опредѣленія направленія нашей задачи, мы находимъ не лишнимъ представить тѣ общія положенія, которыхъ мы держимся въ этомъ вопросѣ:

1) Сохранившіяся сочиненія Аполлонія не могли составлять частей одного большаго грамматическаго opus, изданнаго сразу, такъ какъ въ этомъ случаѣ Аполлоній «non diversas sententias de una eademque re, quae nunc in diversis libris inveniuntur, in uno eodemque opere locum

habere sivisset neque tam saepe unum idemque praeceptum, quod in diversis nunc libris reperitur, iterum atque iterum in conjuncto opere protulisset» (A. Lentz: Herodiani technici reliquiae, praef. pag. XXXIV). Такимъ образомъ, если дѣйствительно эти сочиненія были части τῆς γραμματικῆς τέχνης, чего то обнимающаго собою всю грамматику, то эта τέχνη была какая-то идея, имѣвшаяся всегда въ виду при составленіи отдѣльныхъ сочиненій, но никакъ не составленное по этой идеѣ грамматическое compendium. Съ другой стороны, если эта τέχνη γραμματικὴ была какое нибудь дѣйствительное сочиненіе, то сохранившіяся работы Аполлонія относились къ этому труду не какъ части къ цѣлому, а какъ подробная разработка отдѣльныхъ темъ къ общей грамматической программѣ.

2) Отношенія сохранившихся сочиненій Аполлонія къ Присціановымъ institutiones не вездѣ одинаковы. Изъ сочиненія «περὶ συντάξεως τῶν τοῦ λόγου μερῶν»—короче будемъ его называть Аполлоніевымъ „синтаксисомъ“ [1],—три первыя главы 1-й книги и вся 2-я книга цѣликомъ вошли въ трудъ латинскаго грамматика (сопоставь съ упомянутыми частями Аполлоніева „синтаксиса“ institutiones: XVII 1—3 и 52—144), за исключеніемъ развѣ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ „синтаксисъ“ разсматриваетъ конструкціи, не находящія себѣ соотвѣтствія въ латинскомъ языкѣ, и отъ которыхъ Присціанъ отдѣлывается простымъ указаніемъ на это несоотвѣтствіе. Статья Аполлоніева „синтаксиса“ о членѣ (περὶ συντ. I. 4—до конца первой книги), несвойственномъ латинскому языку, у Присціана замѣнена (instit. XVII 4—51) разборомъ отношенія латинскаго idem къ греч. ὁ αὐτός, латинскаго qui къ греч. ὅς (ὅς, какъ и ὁ, Аполлоній считаетъ «членомъ») и разъясненіемъ такъ называемыхъ redditiva, могущихъ употребляться и въ значеніи вопросительномъ, и относительномъ, и неопредѣленномъ (qualis, quorsum и т. п.). Слѣдующій отдѣлъ „синтаксиса“, разбирающій вопросъ о синтаксическихъ несообразностяхъ или ἀκαταλληλότητες (сравни περὶ συντ. III, 1—11), у Присціана не только переданъ почти весь, но даже значительно пополненъ (о содержаніи этого отдѣла придется говорить ниже), при чемъ разсматриваются одинаково подробно и латинскія и греческія конструкціи (вообще отдѣлу περὶ συντ. III, 1—11 соотвѣтствуетъ отдѣлъ instit. XVII, 144—до конца книги). Совсѣмъ иначе отнесся Присціанъ къ отдѣлу „синтаксиса“ о глаголѣ (περὶ συντ. III. 12—до конца 3-й книги); заимствовавъ изъ него внѣшній планъ

[1] Печатая слово *синтаксисъ* съ кавычками, мы будемъ всегда разумѣть сочиненіе Аполлонія «περὶ συντάξεως»; безъ кавычекъ слово *синтаксисъ* будетъ обозначать отдѣлъ грамматики какъ науки.

по самымъ общимъ заглавіямъ, опредѣленія самыхъ главныхъ грамматическихъ понятій и окончательныя формулы нѣкоторыхъ общихъ грамматическихъ теоремъ, Присціанъ самъ входитъ въ большія подробности фактической стороны и лат. и греч языковъ и разбираетъ много общеграмматическихъ вопросовъ, которыхъ мы у Аполлонія не находимъ вовсе. Наконецъ, вся четвертая книга „синтаксиса“ у Присціана осталась безъ употребленія (въ ней разбирается предлогъ и пр.); за то Присціанъ передъ статьею о глаголѣ (instit. XVIII. 1—39) помѣщаетъ отдѣлъ о nomen, о которомъ у Аполлонія нѣтъ и помину.—Для того, чтобы опредѣлить отношеніе остальныхъ трехъ сочиненій Аполлонія къ соотвѣтствующимъ имъ, по заглавіямъ, статьямъ Присціановыхъ institutiones (а именно: 12-й и 13-й книгамъ de pronomine, 15-й кн. de adverbio, 16-й—de conjunctione), достаточно указать на то, что даже внѣшній планъ статей Присціана составленъ по совершенно другому началу, чѣмъ у Аполлонія, и что только иногда разборъ общихъ грамматическихъ вопросовъ напоминаетъ въ нихъ уцѣлѣвшія сочиненія Аполлонія.

3) Было бы совершенно несправедливо, если бы мы, въ вопросѣ о зависимости Присціана отъ Аполлонія, увлекались словами, сказанными, въ концѣ предшествующаго пункта, объ отношеніи 3-хъ меньшихъ сочиненій Аполлонія къ 12-й, 13-й, 15-й и 16-й книгамъ Присціана. Самъ Присціанъ ставитъ положительно на одну степень свою зависимость отъ Аполлонія какъ по отношенію къ 17-й и 18-й книгамъ (соотвѣтствующимъ Аполлоніеву „синтаксису“) съ одной, такъ по отношенію къ книгамъ о частяхъ рѣчи (съ П. 4 по XVI включ.) съ другой стороны; онъ говоритъ въ началѣ 17-й книги такъ: quoniam in ante expositis libris de partibus orationis in plerisque Apollonii auctoritatem sumus secuti, aliorum quoque sive nostrorum sive graecorum non intermittentes necessaria et si quid ipsi quoque novi potuerimus addere, nunc quoque ejusdem maxime de ordinatione sive constructione dictionum, quam graeci σύνταξιν vocant, vestigia sequentes, si quid etiam ex aliis vel ex nobis congruum inveniatur, non recusemus interponere. Едвали мы ошибемся, если зависимость Присціана отъ Аполлонія опредѣлимъ тѣми же самыми словами, какими мы опредѣлили выше отношеніе Присціановой 18-й книги къ статьѣ о глаголѣ въ Аполлоніевомъ „синтаксисѣ“; одно только хотѣлось бы намъ здѣсь добавить, именно то, что въ обще-грамматическихъ вопросахъ, рѣшаемыхъ Присціаномъ помимо Аполлонія, латинскій грамматикъ выказываетъ не эмансипацію отъ Аполлоніевой системы, а только упражненіе—иногда

довольно неудачное—въ примѣненіи той же системы къ большему, въ сравненіи съ Аполлоніемъ, кругу фактовъ. Относительно внѣшняго плана въ 12—16 книгахъ мы должны сказать, что хотя онъ не найденъ нами въ уцѣлѣвшихъ сочиненіяхъ Аполлонія, тѣмъ не менѣе къ принятію его за Аполлоніевскій мы имѣемъ полное основаніе. Вообще заглавія въ книгахъ Присціана о частяхъ рѣчи очень напоминаютъ собою ту группировку τῶν παρεπομένων (т.е.примѣтъ) каждой части рѣчи, какая встрѣчается въ грамматикѣ Діонисія Θракійскаго. Только иногда у Присціана замѣчаются уклоненія отъ этой группировки; напримѣръ, въ имени существительномъ Діонисій группируетъ τὰ παρεπόμενα такъ: γένη, εἴδη, σχήματα, ἀριθμός, πτώσεις; у Присціана заглавія при разборѣ имени существительнаго идутъ въ такомъ порядкѣ за собою: species, genus, numerus, figura, casus. Что этимъ уклоненіемъ отъ Діонисія Присціанъ обязанъ Аполлонію, это ясно доказываетъ слѣдующая схолія (смотри Bekker, Anecdota III, 1. 177): Ὁ μὲν Διονύσιος τὰ γένη προέταξε τῶν εἰδῶν, οἱ δὲ περὶ Ἀπολλώνιον καὶ Ἡρωδιανὸν καὶ Ρωμανὸν τὰ εἴδη προτάττουσι τῶν γενῶν, ἐπεὶ δὴ ὅπου μὲν γένος ἐκεῖ καὶ εἶδός ἐστι παρὰ τοῖς γραμματικοῖς, ὅπου δὲ εἶδος, οὐ πάντως καὶ γένος ἐστί. Надобно полагать, что и къ другимъ уклоненіямъ отъ Діонисіевой группировки τῶν παρεπομένων Присціана побудилъ Аполлоній (сравни о томъ же: L. Lersch, Die Sprachphilosophie der Alten, Bonn, 1838, II. 114 и слѣд.).

4) Подобныя вещи, какъ группировка примѣтъ (τῶν παρεπομένων) частей рѣчи, должны были войти въ ту τέχνη, о которой мы говорили въ первомъ изъ излагаемыхъ въ настоящее время пунктовъ, и подъ которою мы себѣ представляемъ, выражаясь коротко, нѣчто въ родѣ Діонисіевой грамматики. Въ первомъ пунктѣ мы оставили открытымъ вопросъ о томъ, изложилъ ли Аполлоній свою τέχνη письменно или нѣтъ; здѣсь приведемъ тѣ немногія мѣста, которыя рѣшаютъ нашъ вопросъ въ положительную сторону; они, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень важны для оправданія нашего сопоставленія Аполлоніевой τέχνη съ Діонисіевою грамматикою. Написать такую τέχνη Аполлоній обѣщался въ „синтаксисѣ“ I. 3, гдѣ говорится: «придется намъ здѣсь (разумѣй: въ „синтаксисѣ“) отвѣтить, почему между частями рѣчи первое мѣсто занимаетъ существительное, затѣмъ глаголъ, а затѣмъ ужъ остальныя части рѣчи [1], ὡσεὶ πάλιν ἐν

[1] Читатель позволитъ намъ приводить цитаты въ подлинномъ ихъ видѣ съ переводомъ по поламъ. Помѣщеніе всего подлинника цитаты рядомъ съ полнымъ ея переводомъ потребовало бы много мѣста; одинъ подлинникъ, безъ перевода нѣкоторыхъ его частей, могъ бы быть иногда для читателя недо-

ταῖς πτώσεσιν ἡ λεγομένη εὐθεῖα καὶ γενικὴ καὶ αἱ ὑπόλοιποι, ἔν τε ταῖς χρονικαῖς τομαῖς κατὰ τὰ ῥήματα ὁ ἐνεστώς (настоящее время), εἶτα ὁ παρατατικὸς (преходящее) καὶ οἱ ἑξῆς χρόνοι, ἔν τε γένεσι τὸ ἀρσενικόν, μεθ' ὃ τὸ θηλυκὸν καὶ τρίτον τὸ τούτων ἀποφατικὸν οὐδέτερον (средній родъ), καὶ ἐπ ἄλλων πλείστων γε, περὶ ὧν ἰδίᾳ ποιησόμεθα εἰσαγωγήν» (εἰσαγωγήν, «введеніе», придется отождествить съ нашимъ словомъ τέχνη). Какъ на оконченную, Аполлоній ссылается на свою εἰσαγωγὴ въ ,,синтаксисѣ" IV. 11 (это мѣсто приведено и Скречкою и Гиллеромъ), гдѣ указывается на то, что не всѣ предлоги могутъ сочиняться со всѣми падежами, καθάπερ (sic!) κἀν τῇ ὑπηγορευμένῃ εἰσαγωγῇ ἀπεδείξαμεν. Etymologicum mag. pag. 143 ссылается, какъ извѣстно, въ вопросѣ объ окончаніи слова Ἀρίστυλλος на комментарій Иродіана къ Аполлоніевой εἰσαγωγή, что также указываетъ на дѣйствительность составленія Аполлоніемъ такого сочиненія. Къ термину τέχνη относится слѣдующая схолія (напечатана она въ статьѣ Улига, Rhein. Mus. 1870, стр. 67): «нѣкоторые грамматики начинаютъ свои учебники съ частей рѣчи (ἀπὸ μερῶν λόγου), οἱ δὲ ἀπὸ λέξεως (со словъ; λέξις стоитъ, какъ мы послѣ укажемъ, грамматически ниже, чѣмъ μέρος λόγου), οἱ δὲ ἀπὸ συλλαβῆς, οἱ δὲ ἀπὸ στοιχείου (съ буквъ), οἱ δὲ ἀπὸ φωνῆς (отъ звука, который есть ниже τοῦ στοιχείου и можетъ быть и неартикулированный), ὡς καὶ Ἀπολλώνιος ὁ Δύσκολος.» Судя по этому, въ Аполлоніевой τέχνη выставлялась, совершенно какъ у Присціана, слѣдующая лѣстница предметовъ, подлежащихъ разбору грамматиковъ: звукъ, буква, слогъ, слово, часть рѣчи и (?) цѣльная рѣчь.

Изъ сказаннаго ясно, что Аполлоніева τέχνη γραμματική, или, какъ онъ ее называетъ, εἰσαγωγή, есть совершенно особое сочиненіе, различное отъ его спеціальныхъ изслѣдованій. Впрочемъ, если мы не ошибаемся на счетъ ея содержанія, она особенно большой будущности не могла имѣть. Не различаясь особенно отъ грамматики Діонисія, она не успѣла вытѣснить послѣдней, и грамматика Діонисія надолго утвердилась учебникомъ и предметомъ комментированія, въ то время какъ объ εἰσαγωγή почти что ничего нигдѣ не слышно. Также и спеціальныя изслѣдованія нашего грамматика не всѣ могли быть цѣнимы одинаково высоко. Вопросъ о томъ, какія изслѣдованія Аполлонія могли пріобрѣсть будущность, мы не будемъ рѣшать по списку дѣйствительныхъ сочиненій Аполлонія, а по той лѣстницѣ предметовъ, которую мы выставили въ

ступенъ; сообщать одинъ русскій переводъ цитаты тоже невозможно, такъ какъ въ читателѣ такой переводъ вызоветъ много недоразумѣній, а для насъ онъ будетъ во многихъ случаяхъ крайне затруднителенъ.

предшествующемъ (4-мъ) пунктѣ какъ подлежащую, по мнѣнію Аполлонія, разбору грамматика. Изъ этихъ предметовъ, φωνή не поддавалась особенно пространному разбору; о ней едвали можно было тогда сказать что нибудь больше въ сравненіи съ тѣмъ, что сказано у Присціана (въ началѣ institutionum), ограничивающагося при разборѣ ея раздѣленіемъ ея на артикулированную и неартикулированную. Изъ слѣдующихъ затѣмъ предметовъ, στοιχεῖον и συλλαβή допускаютъ только разборъ о внѣшнемъ ихъ видѣ, т. е. разборъ, какъ мы говоримъ, этимологическій. Λέξιν можно разсматривать и по внѣшнему ея виду и по значенію; послѣдняя ея сторона, какъ мы ниже укажемъ, принадлежитъ, по мнѣнію Аполлонія и его послѣдователей, къ синтаксису. Μέρος λόγου есть чисто синтаксическое понятіе, какъ ниже выяснится. Разборъ цѣльной рѣчи есть также дѣло синтаксиса. Раздѣливъ, такимъ образомъ, вопросы по предметамъ, принадлежащимъ разбору грамматика, на этимологическіе и синтаксическіе, мы должны сказать, что въ этимологическихъ вопросахъ Аполлоній не могъ пріобрѣсть особеннаго голоса у потомковъ, такъ какъ «по этимологіи почти все переработалъ, по своему пониманію исправилъ, по своей большой начитанности распространилъ, и гдѣ что въ ученіи о формахъ осталось не затронутымъ Аполлоніемъ, самъ разработалъ его сынъ Иродіанъ» (A. Gräfenhan, Geschichte der klassischen Philologie, Bonn. 1843. 86). Дѣйствительно, чисто этимологическія работы послѣ-Аполлоніевскаго и византійскаго періодовъ почти что не знаютъ Аполлонія, а вездѣ опираются на Иродіана, какъ это ясно доказалъ Ленцъ въ введеніи къ своему труду жизни, къ изданію Иродіана.

Синтаксическихъ сочиненій, какъ видно изъ того же введенія Ленца, Иродіанъ не писалъ. Въ этомъ отдѣлѣ грамматики Аполлоній остается для потомковъ лучшимъ представителемъ своего времени. Грефенганъ, въ упомянутомъ выше сочиненіи, называетъ его даже—а это есть до сихъ поръ господствующее мнѣніе—*основателемъ греческаго синтаксиса*, «такъ какъ-де до Аполлонія мы не встрѣчаемъ (wir finden nicht; Грефенганъ хотѣлъ сказать *не сохранилось*[1] ни одного сочиненія, въ которомъ бы научно разрабатывался этотъ отдѣлъ грамматики». Разбирать вопросъ, что больше идетъ къ Аполлонію, названіе ли представителя синтаксистовъ, или основателя синтаксиса, мы считаемъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременнымъ. Приведенная изъ Грефенгана ссылка, въ виду

[1] Имена Павзанія Цезарейскаго, Элія Ѳеона, Тилефа, какъ авторовъ цѣльнаго синтаксиса (это были непосредственные предшественники и современники Аполлонія), довольно извѣстны.

нашей сноски, не должна быть понимаема въ смыслѣ полнѣйшаго отсутствія свидѣтельствъ о занятіи синтаксисомъ въ до-Аполлоніевское время; есть даже довольно и такихъ указаній, изъ коихъ мы можемъ судить не только о существованіи въ это время синтаксиса, но и, до нѣкоторой степени, о его направленіи [1]. Но чтобы на основаніи этихъ указаній можно было составить себѣ полное понятіе о состояніи синтаксиса до Аполлонія, для этого они сами слишкомъ отрывочны и очень нуждаются въ надежной, связующей ихъ, посторонней почвѣ, которую имъ самъ же Аполлоній только и можетъ дать, такъ какъ одинъ его синтаксисъ сохранился въ довольно полномъ видѣ. Такимъ образомъ прежде всего приходится понять самого Аполлонія, а потомъ уже можно и приступить къ разъясненію синтаксиса его предшественниковъ и къ опредѣленію отношенія перваго къ послѣднимъ.

Какъ далеко простирается авторитетъ Аполлонія какъ синтаксиста, это мы отчасти видѣли въ приведенномъ выше сопоставленіи Присціановыхъ institutiones съ Аполлоніевыми сочиненіями. Почти въ такой же зависимости отъ Аполлонія, какъ Присціанъ, находятся всѣ византійскіе синтаксисты. Разница только та, что послѣдніе часто проявляютъ эту свою зависимость, судя по сохранившимся памятникамъ, не въ сознательномъ изученіи всей системы Аполлоніева синтаксиса, а, забывая даже объ Аполлоніи какъ своемъ руководителѣ, въ какой-то безсознательно-традиціонной, часто вполнѣ механической, иногда пожалуй и болѣе подробной, но часто и поверхностной, довольно подъ часъ и неудачной, переборкѣ по Аполлоніевой синтаксической системѣ грамматическаго матеріала. Что касается вопроса о состояніи синтаксиса послѣ возрожденія, то мы на него смотримъ только издали, такъ какъ не подвергали его спеціальному изслѣдованію; но тѣмъ не менѣе какъ-то трудно намъ отказаться отъ мысли, что система синтаксиса и въ это время не подвергалась, вплоть до нашего столѣтія, никакимъ особеннымъ, сравнительно съ системою Аполлонія, измѣненіямъ, хотя самъ Аполлоній, больше еще, чѣмъ въ византійскій періодъ, забытъ былъ какъ ея представитель.

Наше столѣтіе строитъ систему синтаксиса на совершенно другомъ началѣ, чѣмъ какое принято было прежде (ниже послѣдуетъ разъясненіе различія этихъ началъ); но тѣмъ не менѣе синтаксисъ Аполлонія далеко не лишенъ интереса и для насъ. Правда, интересъ его есть уже болѣе историческій, хотя не рѣдко попадаются и такія мѣста

[1] Для оправданія нашихъ словъ достаточно напомнить читателю о тѣхъ ссылкахъ, которыя постоянно Аполлоній приводитъ то изъ Аврона, то изъ Трифона, то изъ другихъ грамматиковъ.

въ его сочиненіяхъ, гдѣ положительно не мѣшаетъ и намъ поучиться у него[1].

Къ сожалѣнію, спеціалистовъ по Аполлонію не такъ много, какъ того заслуживаетъ нашъ грамматикъ,—потому ли, что вообще менѣе любятъ заниматься синтаксисомъ, чѣмъ другими отдѣлами грамматики, или, скорѣе, потому, что у насъ не хватаетъ, быть-можетъ, терпѣнія дочитаться до пониманія этого труднѣйшаго, по слогу, писателя. Послѣ появленія въ свѣтъ Беккеровыхъ критическихъ изданій Аполлонія[2], долго еще лишь немногіе филологи иногда заглядывали въ него только какъ въ одинъ изъ научныхъ источниковъ или пособій для рѣшенія того или другаго вопроса. Такое заглядываніе въ его сочиненія дѣлалось иногда съ большою пользою для уразумѣнія нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ Аполлонія[3], но понятіе о всей системѣ его синтаксиса долго оставалось самымъ неполнымъ. Имѣя необходимость заговорить объ этой системѣ, ученые или ограничивались перечисленіемъ самыхъ общихъ заглавій „синтаксиса“[4], обнаруживая при этомъ полное непониманіе взаимнаго отношенія отдѣльныхъ его статей[5], или отдѣлывались отъ этой

---

[1] На *этимологію* Аполлонія можно и намъ, по примѣру древнихъ, менѣе обращать вниманіе. Практическаго интереса она, разумѣется, никакого не имѣетъ при той высотѣ, на какой теперь стоитъ этимологія. Историческій интересъ также, послѣ этимологическихъ изслѣдованій Иродіана, сводится почти къ нулю. Кромѣ того, по этимологіи сохранилось такъ мало матеріала, что онъ не поддается никакимъ производительнымъ наблюденіямъ.

[2] Этихъ изданій, какъ извѣстно, три: 1) de pronomine liber, primum editus ab J. Bekkero Berol. 1813; 2) de conjunctionibus in J. Bekkeri anecdotis graecis Berol. 1814, Vol. II; тамъ же и de adverbiis; 3) de constructione orationis libri quatuor ex recens. J. Bekkeri Berol. 1817.

[3] Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Quaestiones epicae K. Lehrsii Regim. Pruss. 1837. Лерсъ-же помѣстилъ въ Rhein. Mus. 1842 статью: Verbesserungen zu Herodian und Apollonius.

[4] Лершъ (L. Lersch, Die Sprachphilosophie der Alten, Bonn 1833) говоритъ (стр. 112-я) о синтаксисѣ Аполлонія, что это есть книга „излагающая, приблизительно, синтаксисъ члена, мѣстоименія, глагола и предлога“.

[5] Грефенганъ (Gesch. der kl. Phil. III. 150) выражается о „синтаксисѣ“ Аполлонія такъ: In der Einleitung spricht Apollonius *von den Buchstaben, Sylben, Wortern, von Ellipse, Pleonasmus, Apokope, Orthographie, Solökismus, Kontrakzion, Diäresis und über die Rangordnung der Redetheile.* Von Kapitel 4 an wird der Artikel, sein Wesen und Gebrauch auf das sorgfältigste besprochen,

необходимости самыми общими фразами, преувеличивая притомъ заслуги Аполлонія [1].

Только въ послѣднее тридцатилѣтіе Аполлоній сдѣлался спеціальнымъ предметомъ изученія. Спеціальныя по Аполлонію работы современныхъ филологовъ направлены главнымъ образомъ въ двѣ—пополняющія, впрочемъ, какъ нельзя больше другъ друга—стороны.

Одни изъ нихъ занимаются разработкою *текста* и критическимъ разборомъ труднѣйшихъ по контексту мѣстъ. Сюда относятся, послѣ изданій Беккера и кромѣ упомянутыхъ уже дорогихъ для насъ замѣтокъ Лерса и небольшой статейки Ланге (L. Lange, Verbesserungsvorschläge zu Apollonius Dysk., Philologus 1845), слѣдующія работы:

Skrzeczka R., Observationes in Apollonii Dysc. librum de pronomine, Königsberg 1847.

Dronke G., De emendatione Apollonii Dysc., Rhein. Mus. f. Phil. 1854 (трудъ этотъ съ большимъ тактомъ рѣшаетъ вопросъ объ основахъ

---

und von ihm der Übergang zu den Pronominen gemacht, deren syntaktischer Gebrauch im zweiten Buche abgehandelt wird. Im dritten ist die Rede von den Genera des Verbum (тутъ сдѣлалъ Грефеиганъ очень большой пропускъ), von den Modi, so wie von dem Gebrauch der Kasus. Im vierten endlich von den Praeposizionen in ihrer Zusammensetzung mit andern Wörtern, dann in ihrer Beiordnung und von der Anastrophe derselben, und in den letzten Kapiteln wird die Syntax des Adverbs (?) abgehandelt.

1 Бернгарди (G. Bernhardy, Wissenschaftliche Syntax der griech. Sprache, Berlin 1829, pag. 37) пишетъ: Apollonius entdeckte zuerst (?) den philosophisch grammatischen Standpunkt und Zusammenhang der Sprache, deren syntaktische Begriffe und Kunstmässigkeit (?) er mit grosser Gelehrsamkeit und noch mit grösserem Scharfsinn und einem unvergleichlichen (?) Streben nach Wissenschaftlichkeit ergründete, wodurch er die Seichtigkeit und mechanische (?) Beschränktheit der Vorgänger und Nebenbuhler (denen er seinen Beinamen verdankt) einleuchtend aufzudecken verstand... Kein alter Grammatiker hat sich um die tiefere Anschauung vorzuglich der griechischen Syntax so bedeutende Verdienste erworben, als Apollonius, welcher sämmtliche (?) Theile derselben sowohl im Hauptwerke de Syntaxi als in zahlreichen kleineren Untersuchungen umfasst bis in einzelne Formen hinein, die zur Vervollständigung seiner Grundsätze in Anwendung treten, wie seine drei anderen erhaltenen Schriften klar beweisen.

критики Аполлоніевыхъ сочиненій вообще и о взаимномъ отношеніи Аполлоніевскихъ рукописей и первыхъ изданій въ особенности).

Schömann G., Emendationes aliquot locorum corruptorum in Apollonii libro de adverbiis, Gryphisw. 1860.

Uhlig G., Emendationum Apollonianarum specimen, Berol. 1862.

Schneider R., Apollonii scripta minora Lipsiae 1878. Въ изданіи этомъ собранъ и для окончательнаго установленія текста добросовѣстнѣйшимъ образомъ употребленъ весь критическій аппаратъ, относящійся къ мелкимъ сочиненіямъ Аполлонія; оно оцѣнено надлежащимъ образомъ Эгенольфомъ (P. Egenolff) въ Neue Jahrbücher f. Phil. u. Paed. 1878, стр. 833 и слѣд.

Менѣе значенія имѣютъ относящіяся сюда работы: Фроне (Frohne G.) «Observationes in Apollonii Dysc. Syntaxin, Bonnae 1844» и Бутмана (Al. Butmann) «Des Apollonius Dysk. vier Bücher über die Syntax, übersetzt uud erläutert, Berlin 1877»; первую работу осудилъ Ланге (въ указанномъ ниже сочиненіи), а вторую—Эгенольфъ (Neue Jahrbücher f. Phil. u. Paed. 1878, стр. 567 и слѣд.[1]).

Второй разрядъ работъ по Аполлонію составляютъ труды, относящіеся къ критикѣ *содержанія* Аполлоніевыхъ сочиненій. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить:

L. Lange, Das System der Syntax des Apollonius Dysk., Göttingen 1852.

E. Egger., Apollonius Dyscole, essai sur l'histoire des théories grammaticales dans l'antiquité, Paris 1854.

За тѣмъ слѣдуютъ работы Скречки, а именно: Die Lehre des Apollonius Dysk. von den Redetheilen, Königsberg 1853; die Lehre des Apollonius Dysk. vom Verbum (4 части), тамъ-же 1855—69. По поводу этихъ работъ написаны еще двѣ статейки въ Neue Jahrbücher: первая

[1] Фроне, дѣйствительно, въ своей работѣ обнаруживаетъ полнѣйшее незнаніе Аполлонія, и слова Ланге, что онъ eьensowenig eine Widerlegung erfordert, als er dieselbe verdient, совершенно справедливы. Что же касается Бутмана, то нельзя не согласиться съ Эгенольфомъ, что въ переводѣ его многія мѣста изъ Аполлонія крайне затемнены и не поняты; вѣрно и то, что въ введеніи своемъ Бутманъ ничего новаго не говоритъ объ Аполлоніи, а повторяетъ только, иногда довольно неточно, то, что уже высказано другими. Тѣмъ не менѣе совсѣмъ игнорировать Бутмана намъ не приходится, такъ какъ въ комментаріяхъ своихъ помѣщенныхъ подъ самымъ переводомъ, онъ высказывается о вопросахъ довольно для насъ важныхъ и не затрогиваемыхъ другими Аполлонистами.

Шэмана (Zur Lehre des Apollonius über die Modi, N. Jahrb. 1869), а вторая, отвѣтъ на первую, Скречки (тамъ-же).

Нельзя не присоединить къ работамъ втораго разряда Шэмановыхъ «Animadversiones ad veterum grammaticorum doctrinam de articulo», Lipsiae 1864, и его же „Die Lehre von den Redetheilen nach den Alten dargestellt, Berlin 1862»: въ обѣихъ этихъ работахъ Аполлоній занимаетъ очень видное мѣсто. Большое значеніе имѣетъ здѣсь также конецъ книги Штейнталя «Gesch. der Sprachwissenschaft bei den Gr. u. Röm., Berlin 1863».

Предлагаемою работою мы намѣрены примкнуть къ работамъ втораго изъ упомянутыхъ разрядовъ. Само собою разумѣется, что мы не будемъ вмѣстѣ съ тѣмъ терять изъ виду и результатовъ, достигнутыхъ критическою разработкою текста, а напротивъ будемъ пользоваться ими вездѣ, гдѣ это только покажется необходимымъ.

Мы не могли долго колебаться на счетъ того, растолковать ли намъ синтаксисъ Аполлонія во всемъ его объемѣ, или выбрать себѣ предметомъ изложенія какой нибудь частный отдѣлъ, выхваченный изъ средины Аполлоніева «синтаксиса», какое нибудь одно или нѣсколько близкихъ другъ къ другу заглавій, выставленныхъ Аполлоніемъ въ его книгѣ (какъ работалъ напр. Скречка). Такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ частное рѣшается правильнѣе и какъ бы само собою тогда, когда понято цѣлое, то мы и займемся уясненіемъ этого цѣлаго. Задача наша будетъ состоять *въ отысканіи началъ для построенія синтаксиса Аполлонія и въ ознакомленіи съ тѣми результатами въ синтаксисѣ, которые достигнуты имъ на основаніи этихъ началъ.*

Такимъ образомъ, наша работа непосредственно примыкаетъ къ работамъ Эггера и Ланге. Вызвана она тѣмъ, что ни Эггеръ ни Ланге не растолковали синтаксисъ Аполлонія сполна и правильно.

Начало, на которомъ Ланге представляетъ себѣ построеннымъ синтаксисъ Аполлонія, заключается въ слѣдующемъ. *Предложеніе* (такъ переводитъ Ланге Аполлоніево выраженіе αὐτοτελὴς λόγος) не можетъ обойтись безъ имени (подъ именемъ разумѣется наше существительное, прилагательное и числительное) и безъ глагола. Имя и глаголъ суть, такъ сказать, главныя части предложенія; остальныя части его или замѣняютъ собою главныя (мѣстоименіе напр. замѣняетъ собою имя), или примыкаютъ своимъ значеніемъ къ какой нибудь одной изъ главныхъ частей (членъ напр. присоединяется къ имени, нарѣчіе—къ глаголу). Такимъ образомъ весь синтаксисъ, думаетъ Ланге, есть синтаксисъ или имени, или глагола. По этому

Аполлоній прежде всего разсматриваетъ-де синтаксисъ члена, какъ принадлежащаго исключительно къ имени; затѣмъ идетъ мѣстоименіе, которое уже имѣетъ «zweischneidige Natur» (Ланге стр. 25), принадлежа то къ имени, то къ глаголу. Къ глаголу принадлежитъ мѣстоименіе, какъ выраженіе лица глагольной формы (σὺ γράφεις), къ имени же потому, что и имя выражаетъ собою лицо, хотя бы одно 3-е, глагольной формы (ὁ ἄνθρωπος ἦλθεν). Разборъ отношенія между именемъ и мѣстоименіемъ съ одной—, а глаголомъ съ другой стороны, наводитъ, будто бы, Аполлонія на отысканіе въ рѣчи нѣкоторыхъ синтаксическихъ несообразностей къ соединеніи первыхъ съ послѣднимъ (напр. въ соединеніи множественнаго числа τὰ παιδία съ единственнымъ числомъ γράφει), а также на разъясненіе этихъ несообразностей, или, какъ ихъ Аполлоній называетъ, ἀκαταλληλότητες. Послѣ разъясненія τῶν ἀκαταλληλοτήτων Аполлоній переходитъ къ глаголу. Объ отдѣлѣ, касающемся глагола, Ланге (стр. 34) выражается такъ: Was Apollonius jetzt als σύνταξις τῶν ῥημάτων citirt, damit ist nicht etwa schon die reine Syntax des Verbs gemeint, sondern vielmehr die Darstellung der Constructionen aus dem Gebiete der Syntax des Nomens und Verbs unter sich, in Beziehung auf welche nicht mehr das Nomen das principale ist, auf welches das andere sich bezieht, sondern das Verb. Послѣ глагола идетъ разборъ предлога, который-де также, какъ и мѣстоименіе, принадлежитъ то къ глаголу (напр. **Ἐπι**βάλλειν), то къ имени (**Ἐπ**' οἴκου); за тѣмъ уже, полагаетъ Ланге, Аполлоній разбиралъ нарѣчіе, какъ принадлежащее исключительно глаголу (сохранившаяся часть „синтаксиса“ прекращается еще передъ этимъ отдѣломъ), а конецъ состоялъ-де изъ разбора союза. Причастіе (которое у Аполлонія считается особою частью рѣчи) не нуждалось въ особомъ отдѣлѣ, такъ какъ его въ синтаксическомъ отношеніи можно разсматривать или какъ глаголъ, или какъ имя.

Мы не можемъ здѣсь слишкомъ распространяться о степени точности сообщеннаго нами ученія Ланге; заявляемъ только, что хотя все это ученіе почти что списано съ самого Аполлонія[1], слѣдовательно на-

[1] Въ концѣ своего введенія къ „синтаксису“ (стр. 22) Аполлоній говоритъ: Ἐπεὶ οὖν τὰ ὑπόλοιπα τῶν μερῶν τοῦ λόγου ἀνάγεται (примыкаютъ) πρὸς τὴν τοῦ ῥήματος καὶ τοῦ ὀνόματος σύνταξιν.... δέον (то нужно) διαλαβεῖν περὶ ἑκάστου τοῦ τε παραλαμβανομένου καὶ τοῦ ἀνθυπαγομένου (разумѣется замѣнъ одной части рѣчи другою) ἢ καὶ συμπαραλαμβανομένου (имѣются въ виду случаи, когда извѣстное слово примыкаетъ къ главному въ соединеніи съ дру-

писано вполнѣ въ духѣ Аполлонія, все же однако не можетъ особенно содѣйствовать растолкованію Аполлоніева синтаксиса. Это есть начало внѣшняго плана сочиненія «περὶ συντάξεως», а не внутренней системы синтаксиса. Оно разъясняетъ только связь между болѣе крупными отдѣлами помянутаго сочиненія, между тѣмъ какъ полное растолкованіе синтаксиса, при взглядѣ на него какъ на науку, требуетъ отыскать, нѣтъ ли въ немъ какого-нибудь другого начала, начала, какъ мы выразились, внутренней системы, начала, которое органически соединило бы всѣ мелкія части каждаго изъ упомянутыхъ крупныхъ отдѣловъ Аполлоніева сочиненія. Отыскавъ такое начало, мы потомъ можемъ вѣрнѣе опредѣлить и весь внѣшній планъ самаго сочиненія Аполлонія, который, добавляемъ, у Ланге хотя и списанъ въ общихъ чертахъ съ Аполлонія, но въ частностяхъ, какъ мы послѣ увидимъ, неправильно имъ опредѣленъ.

Требуемаго нами начала *внутренней* системы ищетъ Эггеръ, но, къ сожалѣнію, вовсе не тамъ, гдѣ его положилъ самъ Аполлоній. Онъ говоритъ на стр. 236 такъ: Le principe sur lequel il fait rêposer toute règle de syntaxe et auquel il rapporte les faits suspects d'irrégularité, est un principe aussi juste qu'il était neuf alors dans la science. Comme nos idées, les mots qui les expriment se distribuent en classes ou catégories, rémarquables chacune par des formes particulières, et ces formes ont entre elles des rapports naturels de symétrie et de correspondance; les rapport sdes formes grammaticales constituent les lois de la syntaxe....

Указавъ на это какъ на начало внутренней системы Аполлоніева синтаксиса, Эггеръ продолжаетъ (стр. 237): Mais si le principe est nettement posé, les conséquences n'en sont pas déduites avec la même rigueur. Apollonius ne sait pas distinguer par des termes précis le sujet et le régime d'un verbe; il lui faut de longues périphrases pour expliquer l'emploi des cas obliques au lieu du cas direct dans le voisinage d'un verbe. Aussi ne trouve-t-on nulle part chez lui cette division, si élémentaire à nos yeux, de la syntaxe en deux sortes de règles: les règles d'accord et les règles de dépendance ou de régime. Il est plus loin encore de connaître une troisième espêce de régles, celles de position, qui jouent un si grand rôle dans la syntaxe de plusieurs langues. Изъ требуемаго отъ Аполлонія, какъ синтаксиста, съ бо́льшею, сравнительно, обстоя-

---

гимъ словомъ; напр. οὗτος примыкаетъ къ существительному въ соединеній съ ὁ), ὡς αἱ ἀντωνυμίαι ἀντὶ τῶν ὀνομάτων καὶ μετὰ τῶν ὀνομάτων, καὶ ἔτι αἱ μετοχαὶ ἀντὶ τῶν ῥημάτων καὶ μετὰ τῶν ῥημάτων, καὶ ἐπὶ τῶν ἑξῆς μερῶν τοῦ λόγου.

тельностью кое-что изложено, думаетъ Эггеръ, въ первыхъ главахъ 3-й книги (III, 1—11; мѣсто это получило у насъ выше заглавіе περὶ ἀκαταλληλότητος; въ немъ говорится объ отсутствіи въ нѣкоторыхъ оборотахъ правильнаго согласованія и разумѣются обороты въ родѣ: ἡ πληθὺς ἔφασαν, ὑβρίζομεν ἑαυτούς и т. п.); во всѣхъ же остальныхъ частяхъ «синтаксиса» Аполлоній, по мнѣнію Эггера, рѣдко, слегка и только полусознательно затрогиваетъ свою непосредственную задачу[1], такъ что большая часть «синтаксиса» трактуетъ, на равнѣ съ другими сочиненіями Аполлонія, только общую grammaire philosophique, выдѣленную въ трудѣ Эггера отъ théorie générale de la syntaxe подъ заглавіями: division des parties du discours; du nom, du pronom, de l'article; du verbe; des particules indéclinables.

Необходимость выбрасывать изъ непосредственнаго „синтаксиса“ столь многое, что самъ Аполлоній выдаетъ за синтаксисъ, есть, во всякомъ случаѣ, ошибочный результатъ Эггерова изслѣдованія. Поправить этотъ результатъ можно было только замѣною того начала, на которомъ Эггеръ вообразилъ-было себѣ построеннымъ синтаксисъ Аполлонія, какимъ нибудь другимъ началомъ, тѣмъ болѣе, что самъ Аполлоній подобной мысли, на какую Эггеръ указываетъ въ первомъ изъ цитуемыхъ нами изъ него мѣстъ, какъ на начало внутренней системы его синтаксиса, нигдѣ положительно не высказываетъ.

Эггеръ, видно, только на угадъ дѣйствовалъ при отыскиваніи для системы Аполлоніева синтаксиса приведеннаго нами начала; онъ при этомъ находился, какъ мы видимъ изъ приведенной только что сноски, подъ вліяніемъ своей собственной синтаксической системы. Чтобы освободиться отъ этого вліянія и чтобы правильно оцѣнить Аполлонія, для этого слѣдовало Эггеру поступать иначе. Если онъ вообще былъ убѣжденъ въ *научности* задачи Аполлонія—другими словами: если онъ видѣлъ, что Аполлоній дѣйствительно стремится къ *уясненію* чего-то, — то онъ долженъ былъ разсмотрѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разбираемомъ въ Аполлоніевомъ «синтак-

[1] На стр. 240 Эггеръ говоритъ: Accord et subordination des formes grammaticales, valeur des mots selon leur position, voilà trois idées, devenues élémentaires dans la science, et qui n'ont pas encore trouvé chez Apollonius leur expression philosophique. A défaut de ces trois idées, peut-on signaler dans la Syntaxe un autre principe de division régulière? Nous ne le croyons pas; mais une lecture très—attentive de cet ouvrage laisse du moins apercevoir le fil secret, qui dirige l'auteur à travers l'infinie variété des détails, où il semble parfois s' égarer.

сисѣ», что̀ составляетъ предметъ уясненія, и какимъ способомъ уясняется этотъ предметъ, а затѣмъ, нѣтъ ли единства какого нибудь въ предметахъ уясненія, и не однородны ли и всѣ способы уясненія. Отыскавъ единство и въ предметахъ уясненія и въ способахъ уясненія, онъ этимъ самымъ опредѣлилъ бы и начало внутренней системы синтаксиса. Затѣмъ можно было разсматривать и самую систему т. е. всю классификацію грамматическаго *матеріала*, подлежащаго уясненію, по *началу* самаго уясненія.

То, чего не сдѣлалъ Эггеръ, постараемся сдѣлать мы. Наша работа будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

1) Въ видѣ вступленія къ анализу Аполлоніева синтаксиса укажемъ на *научность* его синтаксической задачи;
2) опредѣлимъ, что составляетъ *предметъ* уясненія въ Аполлоніевомъ синтаксисѣ, и *какимъ образомъ уясняется* этотъ предметъ;
3) изложимъ *всю систему* Аполлоніева синтаксиса;
4) въ видѣ прибавленія разсмотримъ и *внѣшній планъ* книги «περὶ συντάξεως τῶν τοῦ λόγου μερῶν».

О НАУЧНОСТИ ЗАДАЧИ АПОЛЛОНІЕВА СИНТАКСИСА.

Въ первой главѣ своего «синтаксиса» Аполлоній говоритъ такъ: ἡ δὲ νῦν ῥηθησομένη ἔκδοσις περιέξει τὴν ἐκ τῶν φωνῶν γιγνομένην σύνταξιν εἰς καταλληλότητα τοῦ αὐτοτελοῦς λόγου.

Что подъ употребленнымъ въ нашемъ мѣстѣ выраженіемъ φωνή Аполлоній разумѣлъ *лексикальныя* единицы (т. е. *слова*)—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; мы немного ниже увидимъ, что въ другихъ мѣстахъ «синтаксиса» Аполлоній замѣняетъ наше выраженіе φωνή выраженіемъ λέξις (=слово). Если Аполлоній и сознавалъ въ выраженіяхъ φωνή и λέξις какіе-нибудь оттѣнки значенія, то эти оттѣнки могутъ заключаться лишь только въ томъ, что выраженіемъ φωνή онъ указывалъ на слово какъ на этимологическую форму (т. е. рядъ звуковъ, находящихся другъ къ другу и къ звукамъ другихъ словъ, а также къ письменнымъ знакамъ этихъ звуковъ въ извѣстномъ отношеніи), а въ выраженіи λέξις онъ имѣлъ въ виду *смыслъ* (τὸ δηλούμενον, какъ выражается грекъ-грамматикъ) слова.

Понявъ смыслъ выраженія φωνή, мы изъ приведеннаго мѣста Аполлоніева «синтаксиса» въ самыхъ общихъ чертахъ узнаемъ, что̀ послужило *предметомъ наблюденій* для разбираемаго нами сочиненія: «предлагаемое изданіе»—таковъ переводъ этого мѣста [1])—«имѣетъ разъяснить *сочетаніе отдѣльныхъ словъ въ цѣльную рѣчь*». Конечно, не о *предметѣ наблюденій* Аполлоніева «синтаксиса» мы взялись толковать въ настоящей части нашего сочиненія; если мы и затронули этотъ вопросъ, то это сдѣлано съ другою цѣлью: мы разсчитывали на то, что послѣ всего, сообщеннаго нами о разбираемой цитатѣ, сама цитата сдѣлается доступнѣе читателю, и что въ ней лучше выдѣлится слово, которое и есть самое важное для насъ въ настоящее время, такъ какъ оно за-

[1]) Намѣсто ῥηθησομένη такъ и напрашивается въ нашей цитатѣ выраженіе προτιθεμένη.

ключаетъ въ себѣ самую правильную исходную точку для разсмотрѣнія вопроса о *научности* Аполлоніева изслѣдованія. Мы говоримъ о словѣ, которое не вошло въ приведенный выше переводъ всей цитаты, о словѣ καταλληλότης; Аполлоній сосредоточилъ въ этомъ словѣ все свое пониманіе научности своей задачи, и наше дѣло теперь — разъяснить, на сколько это возможно во вступительномъ отдѣлѣ нашей работы, значеніе слова καταλληλότης.

Ближе всѣхъ подошли къ пониманію сказаннаго Аполлоніева выраженія тѣ изъ Аполлонистовъ, которые при его толкованіи основываются на первыхъ одинадцати главахъ третей книги »синтаксиса.« Аполлоній, въ упомянутыхъ главахъ, съ большою систематичностью объясняетъ намъ, что «есть группы словъ, которыя *способны видоизмѣняться* (μετασχηματίζονται; смотри περὶ συντ. 201, 16) по лицамъ, числамъ и временамъ (сравни напр.: γράφω, γράφετε, ἐγραφέτην); что другія видоизмѣняются только по временамъ (сравни напр.: αὔριον, χθές, σήμερον), третьи по числамъ и падежамъ (сравни напр.: ἀνθρώπῳ, ἀνθρώπους) и т. д.;» затѣмъ онъ находитъ ἀκαταλληλότητα въ томъ, если «изъ двухъ группъ словъ, имѣющихъ какой-нибудь общій μετασχηματισμός (группа γράφω, γράφετε, ἐγραφέτην и группа αὔριον, χθές, σήμερον имѣютъ общій μετασχηματισμὸς временный), въ рѣчи сочетаются такія слова, которыя несогласны другъ съ другомъ по отношенію къ этому общему ихъ μετασχηματισμός» (такъ, αὔριον ἐγραφέτην будетъ ἀκατάλληλον). Такимъ образомъ — думаютъ наши Аполлонисты καταλληλότης есть согласованіе двухъ сочетаемыхъ въ рѣчи словъ, совершающееся по общему ихъ μετασχηματισμός [1]).

Изъ приведеннаго ясно, что въ Аполлоніевой καταλληλότης наши Аполлонисты ищутъ не что иное, какъ только начало современнаго *синтаксиса согласованія*. Въ отвѣтъ на такое толкованіе τῆς καταλληλότητος мы предлагаемъ читателю разсмотрѣть вмѣстѣ съ нами вотъ какія мѣста Аполлоніева »синтаксиса.« 1) На стр. 25 и слѣд. Аполлоній борется со взглядомъ тѣхъ, которые полагаютъ, что слово ὁ не приставляется къ названіямъ предметовъ ни съ какою другою цѣлью, какъ только для указанія на *родъ* этихъ предметовъ (εἰς γενῶν διάκρισιν). Для опроверженія такого взгляда онъ приводитъ два примѣра, изъ коихъ въ одномъ имѣется ὁ, несмотря на то, что родъ предмета несомнѣненъ (примѣръ этотъ—ἡ γυνή σε ὕβρισεν), тогда какъ при «epicoena», гдѣ языкъ очень

[1]) Сравни Lange, das System der Syntax, стр 28—33 и Egger, Apollonius Dyscole, стр. 223 и слѣд.

нуждается въ средствѣ для выясненія рода предмета (въ примѣрѣ θεός τίς σε ἠλέησεν не извѣстно, принять ли θεός въ значеніи *богъ* или *богиня*), слово ὁ вовсе не можетъ быть поставлено. На вопросъ, въ чемъ заключается настоящая причина частой постановки слова ὁ въ однихъ и отсутствія—въ другихъ случаяхъ, Аполлоній отвѣчаетъ намъ терминомъ τὸ κατάλληλον: τὸ κατάλληλον τότε μὲν ἐπιζητεῖ, τότε δε οὐκ ἐπιζητεῖ τὸ ὁ (сравни περὶ συντ. 26. 7). 2) На стр. 66, разсматривая 111-й стихъ 11-й книги Иліады, Аполлоній толкуетъ такъ: Или Βήρησον есть собственное имя, а въ такомъ случаѣ въ концѣ стиха нужно принять въ текстъ глагольную форму (αὐτὰρ ὁ Βήρησόν τε καὶ Ἄντιφον ἐξεναρίξεν), или въ выраженіи ΒΗΡΗΣΟΝ заключается глагольная форма βῆ, а въ такомъ случаѣ будетъ «κ α τ ά λ λ η λ ο ν (sic) τὸ τῆς μετοχῆς» (т. е. нужно читать: αὐτὰρ ὁ βῆ Ῥῆσον καὶ Ἄντιφον ἐξεναρίξων). 3) На стр. 69 Аполлоній находитъ выраженіе ὁ λευκὸς ἵππος болѣе κατάλληλον, чѣмъ выраженіе ὁ ἵππος ὁ λευκός. 4) На стр. 82 противопоставляется выраженіе τὸν ἄνθρωπον ὕβρισεν ὁ Θέων выраженію ὁ τὸν ἄνθρωπον ὕβρισε Θέων и выставляется первое за κατάλληλον, а второе за ἀκατάλληλον. Вотъ четыре мѣста, на которыхъ мы хотѣли остановить вниманіе читателя.

Мѣстъ, похожихъ на приведенныя четыре, въ »синтаксисѣ« Аполлонія очень много. Изъ нихъ ни въ одномъ выраженіе κατάλληλος не имѣетъ ровно ничего общаго съ *синтаксисомъ согласованія*, и—слѣдовательно—взглядъ нашихъ Аполлонистовъ на смыслъ этого выраженія во всякомъ случаѣ слишкомъ узокъ. Объ обстоятельствѣ, помѣшавшемъ отыскать настоящій смыслъ слова κατάλληλον, т. е. понимать его болѣе широко, такъ чтобы онъ обнималъ собою и наши четыре, и однородныя съ ними мѣста, мы пока не можемъ сказать ничего другаго кромѣ того, что уже разъ нами высказано относительно Эггера на стр. 15: наши изслѣдователи взялись разсматривать синтаксисъ Аполлонія съ предвзятой точки зрѣнія своего собственнаго синтаксиса. Это обстоятельство побудило ихъ искать средоточіе Аполлоніева синтаксиса тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, и, какъ мы уже говорили, выбросить изъ Аполлоніева синтаксиса бо́льшую часть того, что самъ же Аполлоній за синтаксисъ выдаетъ [1]).

[1]) Что о Ланге нужно повторить тоже самое, что мы сказали объ Эггерѣ на стр. 15, на это лучше всего указываютъ слова, помѣщенныя на страницахъ 27 и 28 его брошюры, въ которыхъ сообщенный нами взглядъ его на κατάλληλότης называется имъ „главнымъ началомъ Аполлоніева синтаксиса“ (das Hauptprincip seiner Syntax), а извѣстныя намъ первыя одинадцать главъ 3-й

Не будь этого обстоятельства, то легко было найти у самого Аполлонія полное разъясненіе слова καταλληλότης на первыхъ же страницахъ его книги. Растолкуемъ смыслъ этихъ страницъ.

Непосредственно послѣ фразы, приведенной нами въ полномъ ея видѣ въ началѣ этого отдѣла нашего сочиненія, Аполлоній, приступая къ разъясненію слова καταλληλότης, прежде всего указываетъ какъ на очевидное на то, что «какъ соединеніе буквъ въ слогъ не происходитъ, какъ попало (ὡς ἔτυχεν), а ограничено извѣстными законами (ἀλλ' ἐν τῇ κατὰ τὸ δέον συντάξει),[1]) такъ и αἱ τῶν συλλαβῶν συντάξεις ἀναπληροῦμεναι κατὰ τὸ δέον ἀποτελοῦσι τὴν λέξιν».[2]) «Соотвѣтственно этому,» говоритъ Аполлоній дальше,« нужно предполагать, что и въ соединеніи словъ въ оборотъ, выражающій полную мысль, существуетъ τὸ κατάλληλον (καὶ σαφὲς ὅτι ἀκόλουθόν ἐστι τὸ καὶ τὰς λέξεις[3]) μέρος οὔσας τοῦ κατὰ σύνταξιν αὐτοτελοῦς λόγου, τὸ κατάλληλον τῆς συντάξεως ἀναδέξασθαι), такъ какъ отношеніе **значенія** *слова* къ *обороту, выражающему полную мысль*, совершенно такое же, какъ отношеніе *буквы* къ *слогу* и къ **внѣшней формѣ** *слова* »(τὸ γὰρ ἐξ ἑκάστης λέξεως παρυφισταμενον νοητὸν τρόπον τινὰ στοιχεῖόν ἐστι λόγου, καὶ ὡς τὰ στοιχεῖα τὰς συλλαβὰς ἀποτελεῖ καὶ τὰς ἐπιπλοκάς, οὕτω καὶ ἡ σύνταξις τῶν νοητῶν τρόπον τινὰ συλλαβὰς ἀποτελέσει διὰ τῆς ἐπιπλοκῆς τῶν λέξεων, καὶ ἔτι ὂν

книги Аполлоніева сочиненія, „собственнымъ центромъ этого синтаксиса, въ которомъ стекаются радіусы со всѣхъ сторонъ“ (das eigentliche Centrum der apollonianischen Syntax, wohin die Radien von allen Seiten einmünden).

[1]) Эти слова Аполлогія для насъ понятны. Сочетаніе напр. νκ въ греческомъ языкѣ немыслимо; какъ извѣстно, надписи перемѣняютъ ν-|-κ въ γ-|-κ даже на рубежѣ двухъ отдѣльныхъ словъ (въ надписяхъ встрѣчается напр. ἐγ καιρῷ, а не ἐν καιρῷ), свидѣтельствуя такимъ образомъ о невозможности произношенія передъ κ звука ν и о необходимости передвигать передъ κ носовой звукъ какъ можно ближе къ мѣсту артикуляціи гортанныхъ звуковъ. Что такое явленіе Аполлоній могъ имѣть въ виду, когда толковалъ о законахъ сочетанія буквъ, на это показываетъ замѣтка вѣрнаго послѣдователя Аполлонія, Присціана, говорящаго въ inst I. 36 объ этомъ явленіи такъ: pro n g scribunt Graeci et quidam tamen vetustissimi Romanorum *euphoniae* causa, bene hoc facientes, ut *agcora*.... Такъ же немыслимо сочетаніе νβ и др.

[2]) Примѣръ такого ограниченія представляетъ слогъ, начинающійся съ γμ, χμ, κμ; такой слогъ не можетъ стоять никогда *въ началѣ* слова (на этотъ примѣръ указываетъ самъ Аполлоній περὶ συντ. 7; cf. Prisc. inst. XVII 7).

[3]) Вотъ мѣсто, которое мы имѣли въ виду выше, стр. 17, строка. 6.

τρόπον ἐκ τῶν συλλαβῶν ἡ λέξις, οὕτως ἐκ τῆς καταλληλότητος τῶν νοητῶν ὁ αὐτοτελὴς λόγος). Затѣмъ, περὶ συντ. стр. 6, Аполлоній выражается еще такъ: παρεπόμενόν ἐστι ἔσθ' ὅτε ταῖς λέξεσι καὶ περὶ τὰς γραφὰς ἁμαρτάνεσθαι, ἃς ἦ πρόφανῶς ἔστι καταλαβέσθαι διὰ τῆς ἀκοῆς, ἢ ἀδήλου τοιούτου ὄντος ἡ κατὰ τὸν ἐπιλογισμὸν ἐξέτασις κατορθοῖ, ἣν καλοῦμεν λόγον τὸν περὶ ὀρθογραφίας. τοιοῦτόν τι παρεπόμενον ὑπολαμβάνω κἀν τοῖς λόγοις. ἐπὰν γὰρ τὰ μὴ δέοντα τῶν λέξεων συναφθῇ, το τοιοῦτον καλοῦμεν σολοικισμόν, ὡς τῶν στοιχείων τοῦ λόγου ἀκαταλλήλως συνελθόντων· εἴπεροῦν ἔστι μαθεῖν τἀκριβὲς τῆς γραφῆς, μαθεῖν ἄρα ἔστι καὶ τ'ακριβὲς τῆς συντάξεως τοῦ λόγου.

Мы привели двѣ цитаты, опредѣляющія собою значеніе слова καταλληλότης. Въ послѣдней изъ нихъ (περὶ συντ. 6) Аполлоній сравниваетъ занятіе синтаксиста съ занятіемъ орѳографа. Орѳографъ имѣетъ дѣло съ στοιχεῖα τῆς λέξεως, а синтаксистъ съ λέξεις, которыя, въ свою очередь, есть какъ бы στοιχεῖα τοῦ αὐτοτελοῦς λόγου (см. конецъ цитаты). И орѳографу и синтаксисту нужно умѣть дать себѣ отчетъ — первому въ правильности подбора письменныхъ знаковъ, употребляющихся для передачи того или другаго слова, а второму въ правильности сочетанія словъ; о первомъ выражается Аполлоній, что онъ долженъ изучить λόγον τὸν περὶ ὀρθογραφίας или—какъ сказано въ концѣ цитаты—τ'ακριβὲς τῆς γραφῆς, а о второмъ, что ему приходится μαθεῖν τἀκριβὲς τῆς συντάξεως τοῦ αὐτοτελοῦς λόγου или — какъ можно еще сказать соотвѣтственно вышеупомянутому выраженію—λόγον τὸν περὶ συντάξεως. Орѳографъ примѣняетъ свой λόγος къ тѣмъ орѳографическимъ ошибкамъ (къ ἁμαρτήματα τὰ περὶ τὰς γραφάς), при которыхъ онъ не можетъ руководиться слухомъ, дабы черезъ такое примѣненіе τοῦ λόγου (=черезъ ἐπιλογισμός) исправить эти ошибки. Точно также и синтаксисту нуженъ его λόγος во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, что называется, рѣчь не клеится (ἐὰν τὰ μὴ δέοντα τῶν λέξεων συναφθῇ). Что въ послѣднихъ словахъ идетъ рѣчь не объ ошибкахъ исключительно только противъ синтаксиса согласованія, а вообще объ ошибкахъ противъ сочетаемости словъ, къ этому заключенію ведетъ насъ и контекстъ разбираемой нами цитаты, и то обстоятельство, что Аполлоній помѣстилъ эту цитату въ самомъ началѣ своей книги, гдѣ о теоріи согласованія нѣтъ еще и помину. Съ другой стороны, связь этой цитаты съ первою приведенною вмѣстѣ съ нею выше, ведетъ насъ къ тому, что μαθεῖν τὸν λόγον τῆς συντάξεως есть не что другое, какъ уразумѣть то κατάλληλον τῆς συντάξεως, которому подвергаются (ἀναδέχονται) слова, какъ части τοῦ αὐτοτελοῦς λόγου,

и которое, въ свою очередь, имѣетъ одинаковое значеніе съ выраженіемъ δ έ ο ν, употребленнымъ въ первой цитатѣ о соединеніи буквъ въ слоги и обозначающемъ *необходимое, естественное, законное*. Такимъ образомъ, въ καταλληλότης τῆς συντάξεως Аполлоній имѣлъ въ виду не начало синтаксиса согласованія, а *законы всякаго рода сочетаемости словъ*.

То обстоятельство, что Аполлоній ищетъ въ своемъ *предметѣ наблюденій* τ ὸ δ έ ο ν, дастъ его сочиненію полное право называться сочиненіемъ научнымъ. Конечно, τὸ δέον можно было устанавливать путемъ простой аналогистики: къ извѣстному синтаксическому явленію можно было отыскать рядъ другихъ явленій, похожихъ на него, а затѣмъ стоило только формулировать это сходство, и формулу эту можно было выдать за δέον. Такое устанавливаніе τοῦ δέοντος господствовало — да и до сихъ поръ приходится въ многихъ случаяхъ ограничиваться имъ — въ этимологіи. Оно отличается тѣмъ, что между обѣими сторонами формулы нѣтъ никакой внутренней связи (мы говоримъ напр.: всѣ существительныя на εὺς суть ὀξύτονα, вовсе не отдавая себѣ при этомъ отчета о томъ, какая связь существуетъ между окончаніемъ εὺς и ὀξύτονον). У древнихъ такія формулы извѣстны были подъ именемъ κανόνες [1]). На вопросъ, придерживался ли Аполлоній въ своемъ «синтаксисѣ» такого пріема при устанавливаніи τοῦ δέοντος—мы должны отвѣтить отрицательно. Такимъ отрицательнымъ отвѣтомъ однако мы не умаляемъ, а увеличиваемъ значеніе его труда: Аполлоній вездѣ старался въ своемъ изслѣдованіи проникнуть въ ту внутреннюю связь обстоятельствъ, отсутствіе которой мы замѣтили въ аналогистическихъ формулахъ, и это даетъ его сочиненію право претендовать на самую высшую степень научности.

Штейнталь, Geschichte der Sprachw. bei den Gr. и Röm., стр. 686, заговоривъ о научности Аполлоніева синтаксиса, хотя и признаетъ, что λόγος τῆς συντάξεως [2]) Аполлоніемъ поставленъ выше простой аналогистики, но думаетъ, что это слѣлано *«полубезсознательно»* (halbunbewusst). При этомъ своемъ сужденіи онъ приводитъ мѣсто περὶ συντ. 36. Въ этомъ мѣстѣ Аполлоній разъясняетъ разницу между φίλων и τῶν φίλων въ примѣрахъ φίλων δέκα ἐλθόντων и τῶν φίλων οἱ μέν ἐισιν ἀγαθοί... (въ разъясненіи этой

---

[1]) Κανών ἐστι λόγος μετὰ τέχνης διὰ τῶν ὁμοίων ἄγων ἐπ, εὐθείας (къ правильности); смотри Anecd. Bekkeri, Theodosii canones, стр. 1180.

[2]) Связи термина λόγος τῆς συντάξεως съ выраженіемъ καταλληλότης Штейнталь не подозрѣваетъ, а объясняетъ послѣднее выраженіе одинаково съ Эггеромъ и Ланге; смотри въ его сочиненіи стр. 691

разницы указано на присутствіе раздѣлительнаго оттѣнка въ одномъ—и отсутствіе его въ другомъ изъ приведенныхъ примѣровъ) и затѣмъ прибавляетъ къ этому разъясненію слѣдующее: προφανῶν οὐσῶν τῶν τοιούτων συντάξεων (=въ виду ясности значенія подобныхъ оборотовъ т. е. оборотовъ въ родѣ φίλων ἐλθόντων и τῶν φίλων οἱ μέν) οἰήσονταί τινες, κἂν μὴ παραλάβωσι τὸν λόγον (разумѣй τὸν λόγον τῆς συντάξεως), δασώζειν τὰ τῆς συντάξεως· οὗτοι δὲ ὅμοιόν τι πείσονται τοῖς ἐκ τριβῆς τὰ σχήματα τῶν λέξεων παρειληφόσιν οὐ μὴν ἐκ δυνάμεως τῶν κατὰ παράδοσιν τῶν Ἑλλήνων καὶ τῆς συμπαρεπομένης ἐν αὐτοῖς ἀναλογίας· οἷς παρακολουθεῖ τὸ εἰ διαμάρτοιεν ἔν τινι σχήματι μὴ διορθοῦν τὸ ἁμάρτημα διὰ τὴν παρακολουθοῦσαν αὐτοῖς ἀπειρίαν. Καθάπερ οὖν πάμπολλός ἐστιν εὐχρηστία τῆς κατὰ τὸν Ἑλληνισμὸν παραδόσεως... τὸν αὐτὸν δή τρόπον ἡ προκειμένη ζήτησις τῆς καταλληλότητος τὰ οπωσδήποτε διαπεσόντα ἐν λόγῳ κατορθώσει.

Штейнталя привели къ заключенію о *полубезсознательномъ* отношеніи Аполлонія къ своей задачѣ подчеркнутыя нами слова цитаты и встрѣчающееся между ними выраженіе ἀναλογία. Но разсмотримъ повнимательнѣе эти подчеркнутыя слова и спросимъ, къ какой части грамматики они относятся? Подъ выраженіемъ σχήματα λέξεων Аполлоній разумѣетъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ «синтаксиса» (сравни περὶ συντ. 102 14; 105, 17; 158 28 и др.), только *внѣшній видъ* словъ, этимологическія формы, тѣ φωναί (περὶ συντ. 105, 17 сопоставлено слово φωνή съ словомъ σχῆμα какъ его синонимъ), о которыхъ мы толковали въ началѣ этого отдѣла нашего сочиненія, и которыя мы тамъ противопоставляли, въ согласіи съ ученіемъ Аполлонія, τῷ δηλουμένῳ τῶν λέξεων. Что этимологъ, желая, какъ говорится въ цитатѣ, διορθοῦν τὰ ἁμαρτήματα περὶ τὰ σχήματα τῶν λέξεων, или вообще διασώζειν τὴν ὀρθότητα τῶν σχημάτων, не могъ ничѣмъ другимъ руководиться, какъ только тѣмъ, что предлагаетъ ему Аполлоній, и что нами подчеркнуто въ цитатѣ—это не требуетъ никакихъ особенныхъ поясненій. Въ самомъ дѣлѣ: что могъ грамматикъ Аполлоніева времени привести въ оправданіе напр. эпсилона во формѣ ἡδέος? Ничего болѣе, развѣ только авторитетъ прежняго ученія да историческое право слова ἡδύς на этотъ видъ родительнаго падежа (то и другое выражено въ нашей цитатѣ словами ἡ τῶν Ἑλλήνων παράδοσις [1]), а затѣмъ—какъ мы уже выше говорили о δέον въ этимологіи—массу словъ,

[1]) Въ Etym. M. стр. 815, 16 опредѣляется παράδοσις какъ γραμματικῶν μαρτυρία, и подъ грамматиками разумѣются первые корифеи грамматики, какъ

имѣющихъ съ даннымъ словомъ сходство (ἀναλογίαν) [1]. Конечно, въ установливаніи этимологическихъ формъ шло всегда дѣло только о *письмѣ* словъ и «охранители правильности» могли расходиться во взглядахъ на счетъ письма только тамъ, гдѣ, какъ говоритъ Аполлоній въ приведенномъ нами уже раньше отрывкѣ περὶ συντ. 6, какая нибудь буква οὐκ ἠδύνατο δι' ἀκοῆς καταλαβέσθαι (гдѣ, значитъ, словесный языкъ черезъ рѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону вовсе не страдалъ), а затѣмъ еще въ архаистическихъ формахъ, нить которыхъ въ живомъ современномъ языкѣ уже терялась. И въ томъ и другомъ случаѣ, разумѣется, постоянно могли бороться у «охранителей правильности» аналогія съ парадозисомъ, и борьба эта конечно могла приводить въ одиночныхъ орѳографическихъ случаяхъ къ разнымъ результатамъ, смотря по тому, какъ расширялся или суживался объемъ критерій, рѣшавшій принадлежность извѣстнаго орѳографическаго случая къ той или другой аналогіи. Такая борьба могла прекращаться лишь тогда, когда аналогія приведена была въ согласіе съ парадозисомъ или когда авторитетъ парадозиса былъ до того силенъ, что никакая аналогистика не могла ничего противъ него сдѣлать; въ послѣднихъ случаяхъ весь λόγος τῶν φωνῶν (или τῶν σχημάτων τῶν λέξεων) и сводился къ парадозису, какъ это ясно сознаетъ самъ Аполлоній, замѣняя въ концѣ нашей цитаты ἀναλογίαν и παράδοσιν простымъ ἡ κατὰ τὸν Ἑλληνισμὸν παράδοσις.

Что, однако, Аполлоній весь разъясненный нами λόγος ὀρθότητος относилъ исключительно только къ этимологіи, что онъ его *сознательно* отличалъ отъ λόγος τῶν τῆς συντάξεως, и что послѣдній не заключался у него въ простой аналогистикѣ—на это указываютъ слѣдующія обстоятельства:

1) Есть мѣста въ синтаксисѣ, въ которыхъ Аполлоній простую аналогистику признаетъ за безцѣльную для синтаксиса и категорически отъ нея отказывается. Такъ περὶ συντ. 196 читаемъ, что слѣдуетъ вездѣ искать *причины* (τὸ ποιοῦν) синтаксическимъ явленіямъ, а не παραθέσει τῶν τρόπων [2]) χρήσασθαι μάτην, и что если кто не сознаетъ при-

---

Аристархъ (τὰ τοῦ Ἀριστάρχου καλεῖται παράδοσις,—говорится въ томъ же мѣстѣ Etym. M.).

[1]) Что простое умѣніе говорить на греческомъ языкѣ (τριβή) „охранителя правильности“ не выручало, это само собою разумѣется.

[2]) Подъ παράθεσις τῶν τρόπων разумѣется простое собраніе, въ видахъ установленія τοῦ δέοντος, синтаксическихъ оборотовъ.

чины этихъ явленій, εἰς οὐδὲν ἕξει τὴν παράθεσιν τῶν τρόπων. Затѣмъ въ «синтаксисѣ» стр. 155, толкуя о замѣнѣ изъяв. и желат. наклоненій причастіемъ или дѣйпричастіемъ, Аполлоній прибавляетъ: πάμπολλος ἡ εἰς τοιοῦτο παράθεσις, ἣν τινες ἐπὶ πλέον παρέτειναν αὐτὸ μόνον τὴν χρῆσιν παραθέμενοι τῆς μεταλήψεως, οὐ τὸν ἐμμεθόδως ἀποδειχθέντα λόγον, ὃν περ ἡμεῖς παρεθέμεθα ποιήσαντες и т. д. Выраженіе ἐμμεθόδως ἀποδειχθεὶς λόγος, очевидно, свидѣтельствуетъ о томъ же высшемъ взглядѣ Аполлонія на разъясненіе синтаксическаго δέοντος, какъ и выраженіе τὸ ποιοῦν прежней цитаты.

2) Въ самой цитатѣ, на которую ссылается Штейнталь, и которую мы привели выше (περὶ συντ. 36), выраженіе ζήτησις τῆς καταλληλότητος—синонимнос, очевидно, λόγῳ τῷ τῆς συντάξεως—нарочно противопоставляется Аполлоніемъ выраженію ἡ κατὰ τὸν Ἑλληνισμὸν παράδοσις, какъ нѣчто совершенно отличное отъ послѣдняго.

3) Ссылка Штейнталя περὶ συντ. 36 помѣщена Аполлоніемъ непосредственно послѣ такого синтаксическаго разсужденія (она и сдѣлана по поводу этого разсужденія), въ которомъ и помину нѣтъ о простой аналогистикѣ. Аполлоній въ этомъ разсужденіи—весьма правильно, какъ мы узнаемъ послѣ—разъясняетъ причину, по которой раздѣлительный оттѣнокъ выраженія τῶν φίλων въ примѣрѣ τῶν φίλων οἱ μέν εἰσιν ἀγαθοί требуетъ постановки къ слову φίλων слова ὁ.

Обстоятельство, указанное въ послѣднемъ изъ приведенныхъ 3-хъ пунктовъ, есть, конечно, самое важное въ нашей аргументаціи, какъ самое *прямое* доказательство дѣла. Если бы у насъ была возможность теперь же полойти ближе не только къ разсужденію Аполлонія о примѣрѣ τῶν φίλων οἱ μέν εἰσιν ἀγαθοί, но и къ остальнымъ разсужденіямъ о синтаксическихъ явленіяхъ, заключающимся въ Аполлоніевомъ «синтаксисѣ», то, конечно, излишни были бы всѣ тѣ аргументаціи, которыми мы до сихъ поръ утомляли читателя. Но доступными могутъ сдѣлаться всѣ эти разсужденія только исподоволь, и уразумѣніе ихъ должно быть результатомъ не этого отдѣла, а всего нашего сочиненія. Пока намъ нужно было только защитить Аполлонія, хотя бы отчасти и косвенными аргументами, отъ тѣхъ подозрѣній, которыя возводятся на него нашими учеными въ вопросѣ о *научности* его задачи, и мы полагаемъ, что читатель, послѣ всего сказаннаго, не усумнится отвергнуть вмѣстѣ съ нами эти подозрѣнія. Наша защита, впрочемъ, еще не окончена. До сихъ поръ мы

имѣли дѣло только съ узостью пониманія τῆς καταλληλότητος, толкуемой нашими учеными въ смыслѣ *начала* синтаксиса *согласованія*, и съ полубезсознательностью глубины τοῦ λόγου τῆς συντάξεως; намъ остается защитить Аполлонія еще отъ одного подозрѣнія, которое при чтеніи нашего изложенія непремѣнно возникло въ читателѣ, и на которое мелькомъ указываетъ и Штейнталь на той же 686-й стр. своей Gesch. der Sprachw.

Сравненіе задачи орѳографа съ задачею синтаксиста, которое читателю извѣстно изъ приведенныхъ нами цитатъ περὶ συντ. 6 и περὶ συντ. 36, и въ которомъ Аполлоній упоминаетъ объ *исправленіи* какихъ-то ошибокъ согласно съ λόγος, непремѣнно наводитъ читателя на мысль, не былъ ли Аполлоній однимъ изъ тѣхъ узкихъ пуристовъ, которые считаютъ невѣрнымъ и подлежащимъ исправленію въ языкѣ все то, чему они сами не могутъ отыскать λόγον, или что противорѣчитъ ихъ λόγῳ. Штейнталь, по крайней мѣрѣ, обвиняетъ Аполлонія, именно на основаніи этого сравненія, въ какой-то «ограниченной погонѣ за поправками» (beschränkte Correctionssucht). Намъ, однако, не трудно доказать, что такъ, какъ предполагаетъ Штейнталь въ приведенныхъ словахъ, Аполлоній не относился ни къ разговорной рѣчи своего времени, ни къ архаистическому языку и къ языку поэтовъ. Во всемъ «синтаксисѣ», равно какъ и въ другихъ сочиненіяхъ Аполлонія, нѣтъ положительно ни одной попытки навязать языку вмѣсто непонятаго Аполлоніемъ синтаксическаго оборота какой-нибудь другой, болѣе соотвѣтствующій его λόγῳ. Какую осторожность онъ выказалъ по отношенію къ разговорной рѣчи—видно напр. изъ его разсужденія объ оборотѣ, соединяющемъ въ себѣ *множ.* число сред. рода имен. падежа съ *ед.* числомъ глагола, какъ напр. τὰ παιδία γράφει (περὶ συντ. стр. 229 и сл.) Оборотъ этотъ, какъ мы увидимъ ниже, надѣлалъ Аполлонію очень много хлопотъ. Едва ли онъ самъ могъ быть удовлѣтворенъ тѣмъ объясненіемъ, какое онъ даетъ этому обороту; а между тѣмъ онъ удерживаетъ этотъ оборотъ въ языкѣ, признаетъ его неустранимымъ, несмотря на то, что ему вѣдь легко было, особенно въ виду установившихся же примѣровъ болѣе правильнаго согласованія (говорили же напр. τὰ τέλη τοὺς στρατιώτας ἐξέπεμψαν), навязать своимъ современникамъ вмѣсто этого оборота другой, болѣе примирающійся съ синтаксическимъ λόγος. Что же касается поэтовъ и архаистическихъ оборотовъ, то онъ признавалъ же тамъ ἄδειαν (licentiam; сравни напр. περὶ συντ. 289.3) и рѣшительно вездѣ воздерживался отъ искаженія ихъ оригинальности. Очень разительный для насъ и доступный и теперь примѣръ такого воздержанія представляетъ взглядъ Аполлонія на

Омировское ἄλλοι. Извѣстно, что Зинодотъ, желая уравнить омировскій языкъ съ аттическимъ, въ коемъ всегда ἄλλοι въ значеніи *прочіе* ставится въ соединеніи съ словомъ οἱ, ввелъ и въ омировскій текстъ въ значеніи *прочіе* оборотъ οἱ ἄλλοι и, не имѣя возможности, изъ-за метра, ввести этотъ оборотъ въ первоначальномъ его видѣ, выдумалъ для Омира форму ὦλλοι. Аристархъ не одобряетъ Зинодотова пріема и ставитъ у Омира ἄλλοι на томъ основаніи, что Омиръ вообще не даетъ употребленію слова ὁ такого широкаго простора, какъ аттическій языкъ. Аполлоній примыкаетъ въ этомъ вопросѣ къ Аристарху и говоритъ по поводу его περὶ συντ. 78: καὶ οὕτως ἀκριβέστερον τὸ Ὁμηρικὸν ἔθος ἀπεδείκνυτο Ἀρίσταρχος. Καὶ γὰρ ἐπ' ἄλλων τὸ δέον ἦν παραδέξασθαι καὶ τὸ σύνηθες (=привычное Омиру, хотя бы и неправильное) προυκρίνετο.

Сказанное достаточно разубѣждаетъ читателя въ основательности упрека, обвиняющаго Аполлонія въ «погонѣ за поправками языка». Если Аполлоній и говоритъ въ своемъ сочиненіи о примѣненіи своей теоріи къ *исправленію* синтаксическихъ ошибокъ, то онъ имѣетъ въ виду не ошибки языка, а описки *рукописей,* очень можетъ быть даже что и ошибки, вкрадывавшіяся въ греческій языкъ *иностранцевъ*, исправителемъ которыхъ, дѣйствительно, трудно быть тому, кто не знаетъ λόγον τῆς συντάξεως О послѣдней впрочемъ сторонѣ примѣненія своей теоріи Аполлоній не высказывается. Что же касается исправленія описокъ рукописей, то ихъ-то, кажется, и имѣетъ въ виду Аполлоній въ началѣ «синтаксиса», когда говоритъ, что его наука есть ἀναγκαιοτάτη πρὸς ἐξήγησιν τῶν ποιημάτων (подъ словомъ ποίημα разумѣетъ здѣсь Аполлоній, вѣроятно, какъ и другіе писатели его вѣка—сравни напр. Плутарха—*литературный памятникъ вообще*, а не только *поэтическое произведеніе*, какъ думаютъ наши толкователи Аполлонія). Конечно, исправленіе ошибокъ въ рукописяхъ—не единственная, даже, вѣроятно, и не самая главная изъ тѣхъ практическихъ сторонъ синтаксиса, которыя побудили Аполлонія отрекомендовать свою науку какъ ἀναγκαιοτάτην πρὸς ἐξήγησιν τῶν ποιημάτων. Наши толкователи τῶν ποιημάτων согласятся со мною въ томъ, что синтаксическія разсужденія весьма важны и очень часто предпринимаются съ цѣлью растолковать *смыслъ* какого-либо мѣста въ ποίημα. Прекрасный образчикъ такого пользованія синтаксисомъ Аполлоній представляетъ περὶ συντ. 90, гдѣ онъ разбираетъ смыслъ словъ «καὶ θώρηχ'· ὁ γὰρ ἦν οἱ, ἀπώλεσε πιστὸς ἑταῖρος» (Ил. 18. 460; мы не будемъ здѣсь передавать тѣхъ синтаксическихъ замѣчаній, которыя Аполлоній дѣлаетъ по поводу этого мѣста, такъ какъ въ подробности

этихъ замѣчаній все равно читателю входить пока не придется, а о по верхностномъ содержаніи ихъ читатель и безъ насъ догадается). Кромѣ исправленія рукописныхъ ошибокъ и растолкованія смысла, синтаксисъ можетъ быть еще въ одномъ вопросѣ ἀναγκαιοτάτη πρὸς ἐξήγησιν τῶν ποιημάτων: самый вопросъ объ *оригинальности* (ἄδεια) языка въ томъ или другомъ ποίημα, стало быть—вопросъ объ установленіи той стороны языка, признаніе которой такъ непримиримо съ «погонею за по правками», только и можетъ правильно быть рѣшенъ путемъ изученія того, что противополагается *оригинальному*, именно *обыкновеннаго* т. е. встрѣчающагося *часто*, установившагося преимущественно въ *разговорномъ* языкѣ и, наконецъ, *легко* находящаго себѣ λόγον τῆς συντάξεως. Что Аполлоній очень усердно и чуть ли не больше всего именно для этой цѣли пользовался своимъ синтаксисомъ—это доказываетъ не только громадное количество примѣровъ такого пользованія, разсѣянныхъ по всѣмъ сочиненіямъ Аполлонія, но и прямой на этотъ счетъ отвѣтъ, данный Аполлоніемъ περὶ συντ. 37: «Если»—говорится въ указанномъ мѣстѣ—«какая нибудь ποιητικὴ ἄδεια внесетъ въ рѣчь или ἔλλειψιν, или πλεονασμόν, то λόγος τῆς συντάξεως только и можетъ παραστῆσαι καὶ τὸ λεῖπον καὶ τὸ πλεονάζον.

Итакъ, нами охарактеризована, на сколько это возможно было, *научность* задачи Аполлоніева синтаксиса: Аполлоній *признавалъ* законы въ синтаксисѣ, старался ихъ уяснить себѣ, (т. е. отыскивалъ причину такихъ законовъ), и не злоупотреблялъ своею теоріею для искаженія того, что уже разъ установлено было *практикою* при естественномъ ходѣ развитія языка.

О НАЧАЛѢ СИСТЕМЫ АПОЛЛОНІЕВА СИНТАКСИСА.

Что служитъ предметомъ наблюденій въ Аполлоніевомъ «синтаксисѣ»—это нами опредѣлено уже, въ самыхъ общихъ чертахъ, въ началѣ предъидущаго отдѣла нашего сочиненія, именно въ переводѣ Аполлоніевыхъ словъ «ὁ ἐκ τῶν φωνῶν συνταττόμενος αὐτοτελὴς λόγος». «Сочетаніе отдѣльныхъ лексикальныхъ единицъ въ цѣльную рѣчь»—вотъ какъ мы перевели приведенныя слова Аполлонія и вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлили предметъ наблюденій его синтаксиса. Конечно, въ этомъ нашемъ переводѣ—какъ самъ читатель, должно быть, прежде уже замѣтилъ—больше сказано, чѣмъ доказано. Что слово φωνή, употребленное въ Аполлоніевомъ оригиналѣ, нами переведено правильно, и какъ нужно понять наше выраженіе *лексикальныя единицы*—на счетъ этого, положимъ, послѣ всѣхъ разъясненій въ предъидущемъ отдѣлѣ нашего сочиненія, не встрѣтится со стороны читателя никакихъ недоразумѣній; прибавить можно къ этимъ прежнимъ разъясненіямъ слова φωνή развѣ только то, что λέξεις, подразумѣваемыя здѣсь подъ этимъ словомъ, Аполлоній раздѣлялъ на ἁπλαῖ и σύνθετοι, разумѣя подъ послѣдними соединеніе τῶν ἁπλῶν λέξεων въ одну лексикальную единицу (такъ, ἀκρόπολις есть σύνθετος λέξις по отношенію къ ἁπλαῖ λέξεις: πόλις и ἄκρα и т. д.; см. περὶ συντ. 8). Что касается, однако, перевода термина αὐτοτελὴς λόγος выраженіемъ *цѣльная рѣчь*, то на этомъ выраженіи придется намъ остановиться; оно нами еще не разъяснено, а главное, мы имъ боремся противъ перевода «предложеніе», предлагаемаго другими толкователями Аполлонія (смотри: Бутманъ стр. 1, Ланге стр. 14 и Эггеръ стр. 241). Предупреждаемъ, впрочемъ, читателя, что при противопоставленіи термину *предложеніе* выраженія *цѣльная рѣчь* мы имѣемъ въ виду совершенно другую постановку вопроса, чѣмъ это на первый взглядъ можетъ показаться читателю.

Внося въ синтаксическій разборъ рѣчи понятіе предложенія, мы всегда полагаемъ въ основаніе такого разбора τὴν πρότασιν, опредѣленную уже Аристотелемъ какъ λόγος καταφατικὸς ἢ ἀποφατικός τινος κατά

τινος (Арист. ἀναλ. προτ. I. 2). Тотъ взглядъ, что рѣчь есть выраженіе мысли, и основанное на этомъ взглядѣ стремленіе привести упомянутую Аристотелевскую формулу мышленія въ соотвѣтствіе съ какою нибудь типичною формою рѣчи или, выражаясь другимъ терминомъ, съ типичною *грамматическою* (относящеюся къ τὰ γράμματα) формою, ведетъ насъ къ установленію *остова предложенія*, въ составъ коего мы вносимъ—соотвѣтственно двумъ сторонамъ τῆς προτάσεως—двѣ части, именуемыя нами *сказуемымъ* (сравни слово τινὸς въ приведенной Аристотелевской формулѣ) и *подлежащимъ* (сравни въ той же формулѣ выраженіе κατά τινος). Грамматическихъ формъ сказуемаго мы признаемъ всего двѣ: во-первыхъ, говоримъ мы, сказуемымъ можетъ быть «связка» εἰμί, соединенная съ именительнымъ падежемъ (напр. δίκαιός εἰμι; читатель видитъ, что въ этомъ опредѣленіи грамматической формы сказуемаго совершенно не приняты въ соображеніе обороты какъ-то: εὖ ἐστι τοῦτο, τῶν ἐλευθέρων ἐστι ὁ πατὴρ αὐτοῦ, βουλομένῳ ἐστὶν ἐμοὶ ταῦτα и т. п.); во-вторыхъ, за сказуемое мы признаемъ и всѣ другіе глаголы, кромѣ глагола εἰμί, но уже не требуемъ къ нимъ, какъ къ глаголу εἰμί, никакихъ дальнѣйшихъ распространеній. Что касается «подлежащаго», то его мы всегда отыскиваемъ въ томъ именительномъ падежѣ, который обозначаетъ собою то же лице, на какое указываетъ и окончаніе глагольной формы сказуемаго, а для болѣе близкаго опредѣленія типичности его грамматической формы мы говоримъ, что оно выражается или именемъ существительнымъ (напр. ὁ ἀνὴρ γράφει), или мѣстоименіемъ (напр. ἐγὼ ἔγραψα), или неопредѣленнымъ наклоненіемъ глагола (напр. τὸ ἐρωτᾶν λυσιτελεῖ); «силу существительнаго»—прибавляемъ мы, перечисляя грамматическія формы подлежащаго—«можетъ получить и всякая *несклоняемая* часть рѣчи, если она служитъ для *поименованія* или своего собственнаго внѣшняго вида (τὸ ἀνὰ δισσύλλαβόν ἐστι), или того впечатлѣнія, которое она вызываетъ въ насъ своимъ значеніемъ» (οὐκ ἔνι μοι τὸ θρέττε). О прилагательномъ, числительномъ и причастіи мы не любимъ упоминать въ числѣ грамматическихъ формъ подлежащаго и, въ случаѣ ихъ самостоятельнаго появленія въ именительномъ падежѣ, прибѣгаемъ къ объясненію этого ихъ самостоятельнаго положенія посредствомъ пропуска словъ *люди*, *дѣла* и т. п. (что, впрочемъ, не вездѣ можно примѣнить этотъ способъ объясненія—доказываютъ примѣры въ родѣ πολλὰ τῶν ὑποζυγίων ἀπώλετο и др.).

Устанавливая грамматическія формы остова предложенія, мы упо-

минаемъ иногда какъ объ особой, третей формѣ сказуемаго о «*вспомогательномъ глаголѣ, соединенномъ съ participium'омъ или неопредѣленнымъ наклоненіемъ*». Однако, справиться съ этою третею формою сказуемаго оказывается довольно труднымъ. Нѣкоторые изъ насъ понимаютъ подъ «вспомогательными глаголами» слова, содѣйствующія образованію глагольныхъ временъ и наклоненій (сравни греческое πεπραγμένα ἐστίν, русское «*буду* дѣлать», «я сдѣлалъ *бы*»); другіе видятъ въ этомъ терминѣ глаголы, выражающіе *вѣроятность* или *необходимость* осуществленія того, что «высказывается» о предметѣ въ соединенномъ съ ними неопредѣленномъ наклоненіи (сравни примѣры: δύναιτο ἄν ποιεῖν, ἔοικε πράξειν ταῦτα; главную силу сказуемаго видятъ здѣсь, конечно, не въ этихъ «вспомогательныхъ глаголахъ», а въ самомъ неопредѣленномъ наклоненіи, точно такъ же какъ и въ *первой* изъ упомянутыхъ выше формъ сказуемаго главная его сила заключается въ именительномъ падежѣ, а не въ «связкѣ» εἰμί). Толкуя терминъ «вспомогательный глаголъ» въ первомъ изъ приведенныхъ нами здѣсь смысловъ, мы, собственно говоря, особенно въ греческомъ языкѣ, ни чуть не увеличиваемъ *количества* формъ сказуемаго сравнительно съ тѣми двумя, которыя нами уже вычислены (кромѣ глагола εἰμί мы не найдемъ въ такихъ «вспомогательныхъ глаголахъ» никакого другаго слова, самое же εἰμί, какъ вспомогательный глаголъ, всегда соединяется съ причастіемъ и совпадаетъ вполнѣ съ *первою формою сказуемаго*). Толкованіе термина «вспомогательный глаголъ» во второмъ изъ упомянутыхъ смысловъ и принятіе такого вспомогательнаго глагола въ соединеніи съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ за *третью* форму сказуемаго вызываетъ въ теоріи предложенія цѣлый рядъ недоразумѣній. Во первыхъ, самый терминъ «вспомогательный глаголъ» оказывается довольно узкимъ. (Рядомъ съ «вспомогательными глаголами» нужно бы въ такомъ случаѣ признавать еще «вспомогательные именительные падежи съ глаголомъ εἰμί»; въ самомъ дѣлѣ, какъ можно иначе назвать выраженіе εἰκός ἐστι въ оборотѣ τοῦτο εἰκός ἐστι γενήσεσθαι, если его сопоставить съ «вспомогательнымъ глаголомъ» ἔοικε въ оборотѣ τοῦτο ἔοικε γενήσεσθαι?). Кромѣ того, признаніе такихъ вспомогательныхъ глаголовъ ведетъ къ разъединенію того, что въ вопросѣ о грамматическомъ построеніи рѣчи должно составлять одно цѣлое. (За чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, отрывать оборотъ δύναῖτο ἄν ποιεῖν ταῦτα въ значеніи *онъ, пожалуй, это сдѣлаетъ* отъ оборота δύναται ταῦτα ποιεῖν въ значеніи *онъ способенъ это сдѣлать?* а вѣдь, если мы будемъ настаивать на вспомогательныхъ глаголахъ какъ на чемъ то

опредѣляющемъ собою особую грамматическую форму рѣчи, то дѣйствительно придется оторвать оба эти оборота другъ отъ друга, такъ какъ въ послѣднемъ изъ нихъ слово δύναμαι мы уже никакъ не можемъ принять за «вспомогательный глаголъ»). Наконецъ нужно замѣтить и то, что всю эту третью форму сказуемаго никакъ нельзя привести въ согласіе съ остальною теоріею о предложеніи. (Если мы, по выше изложенной теоріи остова предложенія, въ оборотѣ αἰνεῖν δυνατόν ἐστι слово αἰνεῖν можемъ принять за подлежащее, то зачѣмъ не принять въ оборотѣ δύναιτο ἂν ποιεῖν слово ποιεῖν скорѣе за «дополненіе», чѣмъ за часть сказуемаго; наоборотъ, если въ послѣднемъ оборотѣ слово ποιεῖν есть только часть сказуемаго, то такою же частью сказуемаго должно быть слово αἰνεῖν и въ первой фразѣ; тогда, конечно, въ первой фразѣ придется принять конструкцію за «безличную», и опять таки выйдетъ крайне страннымъ, если δυνατόν ἐστι αἰνεῖν будетъ «безлично», а при замѣнѣ слова αἰνεῖν напр. словомъ τοῦτο тотъ же оборотъ сейчасъ превратится въ «личный», и слово τοῦτο, замѣняющее собою глаголъ αἰνεῖν, станетъ «подлежащимъ»). Всѣ эти недоразумѣнія, должно быть, заставляютъ нашихъ грамматиковъ не признавать особой 3-й формы сказуемаго, хотя, не признавая ея, они опять таки не мало затруднятся отысканіемъ формулы для оборота напр. τοῦτο δύναιτο ἂν εἶναι ὠφέλιμον.

Составленный такимъ образомъ (не безъ затрудненій, какъ мы видѣли) остовъ предложенія съ одной стороны признается за сократимый, такъ какъ подлежащее можетъ быть и не выражено особымъ именительнымъ падежемъ, а можетъ скрываться въ окончаніи глагольной формы (εἰμὶ δίκαιος или γράφω), или можетъ даже совсѣмъ не чувствоваться его присутствіе въ рѣчи (въ такъ называемыхъ безличныхъ конструкціяхъ), съ другой же стороны и подлежащее, и сказуемое могутъ быть распространены цѣлою сѣтью другихъ, различно зависящихъ другъ отъ друга словъ. Логическое отношеніе этихъ распространеній другъ къ другу и къ распространяемымъ ими подлежащему и сказуемому, въ сущности, какъ справедливо замѣчаютъ наши толкователи теоріи предложенія [1], то же самое, какъ и отношеніе подлежащаго къ сказуемому;

[1] Беккеръ (Karl Ferdinand Bekker), ученый, окончательно установившій теорію предложенія—она и называется Беккеровскою—говоритъ (Sprachorganism стр. 159 и 160) такъ: In sofern die Thätigkeit an sich als Besonderes anzusehen ist, wird in dem Gedanken immer ein Besonderes in ein Allgemeines aufgenommen, z. B. die Fische athmen. Sehr oft führt der Gedanke aber auch

но грамматическія формы, въ которыхъ появляются эти распространенія, уже не представляютъ собою такого однообразія (если только можно назвать *однообразіемъ* все то, что мы вычислили при подлежащемъ и сказуемомъ), какое мы видѣли въ *остовѣ предложенія*; разнообразіе формъ въ *распространеніяхъ* подлежащаго и сказуемаго—такое, что его грамматика еле-еле обхватываетъ. Наши теоретики любятъ обыкновенно говорить только о *ближайшихъ* распространеніяхъ подлежащаго и сказуемаго и пріурочиваютъ къ подлежащему терминъ «опредѣленіе», а къ сказуемому терминъ «дополненіе» [1]. Нѣкоторые указываютъ еще какъ на особое распространеніе сказуемаго на *обстоятельство*; однако провести строгую границу между „дополненіемъ“и„обстоятельствомъ“ для этихъ теоретиковъ оказывается столь труднымъ, что сами они при разборѣ предложенія часто не знаютъ, что принять за „обстоятельство“, и что—за „допол-

---

ein Allgemeines auf Besonderes—eine Art des Seins auf eine Unterart—zurück z. B. der Knecht ist treu. . . . Subjekt und Praedicat sind die Begriffe, deren Einheit den ganzen Gedanken ausmacht. *Eine weitere Entwicklung des Gedankens wird nur dadurch möglich, dass diese Begriffe wieder als ein Allgemeines auf Besonderes, nämlich die Artbegriffe auf Begriffe von Unterarten oder auch von Individuen zurückgeführt werden.*

[1] Sprachorganism стр. 160: Die Sprache stellt die *Individualisirung* (для уразумѣнія этого слова сравни предшествующую цитату изъ Беккера) des Subjectes in dem *attributiven,* und die Individualisirung des Praedicats in dem *objectiven* „Satzverhältnisse dar. Z. B. *Stille* Wasser sind tief“ und „Ein Miethling arbeitet *langsam*“. Съ этимъ мѣстомъ сопоставимъ стр. 230, гдѣ сказано: Der ganze Satz drückt die Einheit des Praedicates als des Hauptbegriffes und des Subjects als des Beziehungsbegriffes aus, und man nennt dieses Beziehungsverhältniss das *praedicative.* Dieses Verhältniss wiederholt sich in dem Subjecte, indem sich dieses in dem Gegensatze eines Attributivs und seines Beziehungswortes entwickelt, und wir nennen dieses Beziehungsverhältniss das *attributive.* Endlich entwickelt sich auch das Praedicat zu einem Satzverhaltnisse, indem die Thätigkeit mit einem Sein als Objecte—das Verb mit einem regierten Substantiv—auf mancherlei Weise in Beziehung tritt; wir nennen dieses Beziehungsverhältniss das *objective.* Es giebt nur diese drei Satzverhältnisse, und eine weitere Entwicklung des Satzes ist nur dadurch möglich, dass sich diese Satzverhältnisse wiederholen.

неніе". Это то затрудненіе и подало поводъ къ тому, что нѣкоторые, какъ Беккеръ, „обстоятельство" и „дополненіе" соединяютъ въ *одну* синтаксическую категорію, называя ее просто „дополненіемъ" (Object). Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что пріурочиваніе «опредѣленія» къ подлежащему и Беккеровскаго «дополненія» къ сказуемому есть не больше не меньше какъ *увлеченіе* Беккера и его послѣдователей своею теоріею. Сами они, въ концѣ концовъ, должны признать, что «опредѣленіе» и «дополненіе» суть распространенія не какихъ нибудь частей *предложенія*, а скорѣе распространенія частей *рѣчи*: «опредѣленіе» есть распространеніе имени существительнаго, а «дополненіе»—распространеніе глагола, въ какой бы части предложенія эти части рѣчи ни встрѣчались. Въ примѣрѣ τὸ ἐρωτᾶν τοὺς μαθητὰς λυσιτελεῖ слово τὸ ἐρωτᾶν есть подлежащее, а непосредственнымъ распространеніемъ его (τοὺς μαθητὰς) служитъ «дополненіе»; въ примѣрѣ же ἀγαθὸς διδάσκαλός ἐστι ὁ ἀνὴρ слово διδάσκαλος есть сказуемое, а непосредственное его распространеніе (ἀγαθὸς) есть «опредѣленіе». Какъ бы то тамъ, впрочемъ, ни было, Беккеристы свою формулу предложенія уже кое-какъ доводятъ до конца, а затѣмъ приступаютъ къ разложенію подлежащей синтаксическому разбору рѣчи на предложенія.

При разложеніи какого нибудь текста на предложенія, опредѣляющіяся какъ единицы своими остовами (сколько такихъ остововъ въ текстѣ—полныхъ или сокращенныхъ—, столько мы признаемъ въ немъ и предложеній), особо еще приходится рѣшать вопросъ о томъ, принять ли или нѣтъ за особыя предложенія обороты съ причастіями или дѣйпричастіями. Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ *количества* распространеній причастія или дѣйпричастія. Въ выраженіяхъ «*онъ пишетъ стоя*» и «*трудящіеся люди полезны*» слова «*стоя*» и «*трудящіеся*» принимаются просто—одно за «дополненіе», respective за «обстоятельство», а другое за «опредѣленіе». Въ выраженіяхъ же «**занимая въ обществѣ извѣстное положеніе** *ты долженъ постараться быть его достойнымъ*» и «*люди,* **занимающіе въ обществѣ высокое положеніе,** *должны постараться быть достойными его*» наши теоретики принимаютъ подчеркнутые нами обороты за особыя предложенія. Признавая оборотъ съ participium'омъ за особое предложеніе, теоретики усматриваютъ сказуемое въ самомъ participium'ѣ, а подлежащее—при participium absolutum въ родительномъ (въ греч. яз.), въ дательномъ (церковно-славян. яз.) и въ творительномъ (въ лат. яз.) падежахъ, при participium же conjunctum—въ томъ словѣ другаго, синтсксически высшаго оборота, съ которымъ это participium согласуется. За особыя предложенія

принимаются иногда и такъ называемыя конструкціи acc. c. inf. и nom. c. inf. (немного странные термины!)

Разложивъ такимъ образомъ подлежащій синтаксическому разбору текстъ на предложенія, а также и опредѣливъ разныя распространенія остововъ предложенія, встрѣчающіяся въ текстѣ, наши теоретики разсматриваютъ еще особо зависимость и отдѣльныхъ этихъ предложеній другъ отъ друга, и цѣлыхъ ихъ группъ, и строятъ на этомъ разборѣ, въ свою очередь, новыя теоріи, о которыхъ мы распространились бы здѣсь, если бы это нужно было для нашей цѣли.

Послѣ этого краткаго изложенія современной теоріи предложенія мы возвратимся къ провѣркѣ того недоумѣнія, на которое мы указали въ началѣ этого отдѣла нашего сочиненія. Мы тамъ усумнились въ правильности перевода Аполлоніева выраженія αὐτοτελὴς λόγος словомъ *предложеніе*. Виновникамъ такого перевода слѣдовало бы подумать о томъ, зналъ-ли Аполлоній все то, что мы здѣсь вкратцѣ изложили о теоріи *предложеніе*, а если не зналъ, то можно ли предложеніе понимать еще иначе, чѣмъ понимается по изложенной нами теоріи. Мы предлагаемъ читателю прослѣдить вмѣстѣ съ нами поставленный здѣсь вопросъ.

Какъ Аполлоній отнесся къ «сказуемому» только что изложенной теоріи—мы видимъ прежде всего изъ слѣдующаго мѣста его «синтаксиса». Περὶ συντ. 30 Аполлоній толкуетъ о томъ, что мысль *«альфа есть самая широкая гласная»* должна быть выражена черезъ «τοῦ α ἡ ἐκφώνησις μεγίστη ἐστίν», а не черезъ «α ἡ ἐκφώνησις μεγίστη ἐστίν». Причина невозможности послѣдняго выраженія, по мнѣнію Аполлонія, заключается въ томъ, что въ этомъ выраженіи названіе буквы (т. е. α), не будучи соединено съ словомъ τοῦ, легко могло бы чувствоваться въ именительномъ падежѣ, а въ такомъ случаѣ «оно де-будетъ находиться къ слову ἐστίν въ такомъ же отношеніи, какъ и выраженіе μεγίστη ἐκφώνησις («οὐ γὰρ μᾶλλον τῷ α τὸ ἐστὶν συντετάξεται, ἢπερ τῷ μεγίστη ἐκφώνησις»),что совершенно-де невозможно, такъ какъ «δύο εὐθεῖαι (одинъ изъ этихъ именительныхъ падежей Аполлоній видитъ въ названіи буквы, а другой—въ выраженіи μεγίστη ἐκφώνησις) οὐδέποτε συνίστανται». Кстати замѣтимъ что въ послѣднихъ словахъ, признающихъ возможность присоединенія къ глаголу только *одного* имен. падежа, Аполлоній, конечно, не исключаетъ возможности постановки въ этомъ *одномъ* именительномъ падежѣ болѣе чѣмъ одного *слова*; онъ хочетъ только сказать, что всѣ слова, встрѣчающіяся въ этомъ именительномъ падежѣ, должны обозначать собою *одинъ* только, или, если нѣ-

сколько, то по крайней мѣрѣ все только *одно*родные, по отношенію къ значенію глагола, предметы; однородные же предметы, въ свою очередь, могутъ быть выражены или, какъ выражается Аполлоній (смотри περὶ συντ. 216. 20), κατὰ σύλληψιν т. е. черезъ множественное число (напр. οἱ ἀγαθοὶ γονεῖς κολάζουσι τοὺς παῖδας), или—κατὰ μερισμὸν (смотри περὶ συντ. 216. 15 и сл) т. е. черезъ столько же особыхъ названій предметовъ, сколько группъ замѣчается въ этихъ однородныхъ предметахъ (καὶ οἱ ἀγαθοὶ γονεῖς καὶ οἱ ἀγαθοὶ διδάσκαλοι κολάζουσι τοὺς παῖδας).

Приведенное выше выраженіе τοῦ α ἡ ἐκφώνησις μεγίστη ἐστιν по нашей теоріи предложенія представляетъ собою примѣръ *первой* формы упомянутыхъ нами «сказуемыхъ»: въ немъ «сказуемое» выражено не черезъ глаголъ, а черезъ «связку» съ имен. падежемъ. Сообщенное нами разсужденіе Аполлонія объ этомъ выраженіи, равно какъ и другія подобныя ему, останавливаютъ на себѣ вниманіе нашихъ Аполлонистовъ (смотри Бутманъ, переводъ «синтаксиса», стр. 22, примѣч.). Они выводятъ изъ этихъ разсужденій такое заключеніе, что Аполлоній молъ не различаетъ, какъ слѣдуетъ, «номинальнаго подлежащаго» отъ «номинальнаго сказуемаго». Дѣйствительно, Аполлоній разлагаетъ примѣры, подобные нашему ἡ ἐκφώνησις μεγίστη ἐστίν, какъ видно изъ приведеннаго его разсужденія, совершенно иначе, чѣмъ разлагаемъ мы. У насъ требуется разложить примѣръ ἡ ἐκφώνησις μεγίστη ἐστίν такъ, чтобы на одной сторонѣ было слово ἡ ἐκφώνησις, а на другой—выраженіе μεγίστη ἐστίν, а у Аполлонія составляютъ слова μεγίστη ἐκφώνησις одну сторону, какъ нѣчто цѣлое, а слово ἐστίν поставлено имъ особнякомъ на сторону другую. Такимъ образомъ у Аполлонія, въ вопросѣ о разложеніи нашего примѣра на двѣ стороны, слово ἐστίν уравнено со всѣми остальными глаголами, не требующими, по нашему, никакого «номинальнаго сказуемаго», а выраженіе μεγίστη ἐκφώνησις поставлено какъ бы на одну ногу съ тѣми сложными, но принятыми нами за одно цѣлое выраженіями, схему которыхъ мы опредѣляемъ терминомъ *соединеніе подлежащаго съ опредѣленіемъ*.

Въ пополненіе положенія Беккера о логическомъ отношеніи двухъ синтаксически зависящихъ другъ отъ друга словъ (положеніе это сообщено нами выше на стр. 32) нужно сказать, что логическое отношеніе *опредѣленія* къ своему... *существительному* (смотри выше стр. 33, строка 10), какъ и вообще словъ синтаксически низшихъ къ синтаксически высшимъ, бываетъ двоякое. Это двоякое логическое отношеніе опредѣ-

ленія къ существительному мы замѣтимъ, если сопоставимъ выраженіе напр. «за чѣмъ порицается нашъ *городской начальникъ*» съ выраженіемъ «за чѣмъ порицается *этотъ справедливый начальникъ*». Въ обоихъ этихъ примѣрахъ «подлажащее» выражено не однимъ словомъ, а цѣлымъ «сложнымъ» выраженіемъ т. е. существительнымъ, соединеннымъ съ нѣсколькими опредѣленіями. Однако логическое отношеніе этихъ опредѣленій къ своему существительному въ приведенныхъ двухъ примѣрахъ не одинаковое: въ первомъ примѣрѣ опредѣленіе *нашъ городской* служитъ средствомъ для болѣе близкаго обозначенія самаго предмета, такъ какъ оно высказываетъ качества, всѣми уже признанныя за этимъ предметомъ; во второмъ же примѣрѣ предметъ принимается за достаточно обозначенный въ словѣ *начальникъ*, а въ опредѣленіи *этотъ справедливый* высказывается наше собственное сужденіе объ этомъ предметѣ т. е. указывается въ немъ на качество, которое не считается признаннымъ за предметомъ, а имѣетъ быть принятымъ отъ говорящаго къ свѣдѣнію. Такимъ образомъ мы различаемъ «опредѣленіе предмета» въ собственномъ смыслѣ этого слова отъ «характеристики предмета» (такими терминами я перевожу нѣмецкое attributive und prädicative Beifügung). Если, затѣмъ, Аполлоній ставитъ свое выраженіе μεγίστη ἐφώνησις, какъ мы сказали выше, на одну ногу съ нашими сложными выраженіями, заключающими въ себѣ «опредѣленіе», то, конечно, это уравненіе возможно только съ такими «сложными» (сравни выше строку 4) выраженіями, опредѣленіе которыхъ выражаетъ собою «характеристику предметовъ». Что такое уравненіе дѣйствительно возможно—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; стоитъ только не удаляться отъ толкованія слова ἐστίν въ болѣе реальномъ его значеніи *существовать*, чтобы примѣръ γονεῖς ἀγαθοί εἰσιν (=родители, эти добрыя существа, существуютъ) не отличался отъ нашего примѣра *«за чѣмъ порицается начальникъ, этотъ справедливый человѣкъ»*. Конечно, если бы греческій языкъ располагалъ этимологическими формами въ родѣ нашихъ *справедливъ*, *добръ*, которыя только и употребляются у насъ въ «номинальномъ сказуемомъ», то Аполлоній, вѣроятно, додумался бы и до установленія какой нибудь особой синтаксической категоріи, похожей на наше «номинальное сказуемое» и отличающейся отъ «опредѣленія служащаго для характеристики предметовъ»; но разъ нѣтъ въ языкѣ особыхъ внѣшнихъ формъ для особой синтаксической категоріи, то мы всегда простимъ Аполлонію, если онъ не додумался до установленія этой особой категоріи, и если явленія, подходящія подъ эту особую категорію, сроднятся у него, хотя бы и съ нѣко-

торою натяжкою, съ явленіями другихъ категорій, имѣющихъ съ этою особою категоріею одинаковыя этимологическія формы.

Что Аполлоній понятія о «номинальномъ сказуемомъ» вовсе не устанавливаетъ въ своемъ синтаксисѣ (мы не будемъ говорить, какъ Бутманъ, что онъ «не различаетъ, какъ слѣдуетъ, номинальнаго сказуемаго отъ номинальнаго подлежащаго»)—это, послѣ разбора примѣра ἡ ἐκφώνησις μεγίστη ἐστίν, не подлежитъ сомнѣнію. Посмотримъ теперь, имѣетъ ли онъ понятіе объ «опредѣленіи служащемъ для характеристики предметовъ». Особый рядъ глаголовъ, отличающихся отъ другихъ своимъ значеніемъ, составляютъ у Аполлонія такъ называемыя ὑπαρκτικά. Сопоставивъ всѣ мѣста, въ которыхъ Аполлоній упоминаетъ объ ὑπαρκτικά (περὶ συντ. 64. 14 и 18—19; 79. 17—20; 82. 3—7; 151. 4—6; περὶ ἀντ. 25. 2—5 и др.), мы видимъ, что онъ разумѣетъ подъ ὑπαρκτικά глаголы какъ то: γενέσθαι, καλεῖσθαι, εἶναι, ὀνομάζεσθαι, λέγεσθαι, ὑπάρχειν и синонимы ихъ (τὰ τούτοις σύζυγα—περὶ συντ. 64. 19—, τὰ τούτοις συνωνυμοῦντα—περὶ συντ. 72. 26. [1]—) Эти ὑπαρκτικά, по мнѣнію Аполлонія, раздѣляются (περὶ συντ. 82. 3) на οὐσιώδη (=синонима слова εἰμί) и на ὀνομαστικά (=синонима слова ὀνομάζειν). Всѣ они «ἐσομένην ποιότητα ὑπαγορεύουσι» (περὶ συντ. 64. 22), и отличіе ихъ отъ другихъ глаголовъ замѣтно особенно въ тѣхъ случаяхъ, «ἐπὰν τὰ ἐπιθετικὰ συντάσσηται κυρίοις ὀνόμασι». Когда ἐπιθετικὰ соединяются съ собственными именами, то они требуютъ къ себѣ слово ὁ. Послѣднее правило, говоритъ Аполлоній περὶ συντ. 64. 11 и слѣд., удерживается при всѣхъ глаголахъ (διήκει ὁ λόγος ἐπὶ πάσης τῆς τῶν ῥημάτων συντάξεως), за исключеніемъ τῶν ὑπαρκτικῶν. Говорятъ напр.: Διονύσιος ὁ γνώριμός μου θέλει φιλολογεῖν, οὗτος [2] ὁ ἄνδρωπος (итакъ ἄνδρωπος при словѣ οὗτος есть, по пониманію Аполлонія, ἐπιθετικόν) θέλει ἀναγιγνώσκειν. Если же къ собственному имени, соединенному съ ἐπιθετικόν, присоединится ῥῆμα ὑπαρκτικόν (εἰ μέντοι ἐπιφέροιτο τὸ γενέσθαι, τὸ καλεῖσθαι, τὰ τούτοις σύζυγα), тогда уже не ставится *членъ* ὁ (ἀποστήσεται τὸ ἄρθρον). Говорятъ напр. Διονύσιος θέλει μου γνώριμος γενέσθαι, Θέων γραμματικὸς θέλει καλεῖσθαι. Это, говоритъ

---

[1] Терминъ ὑπαρκτικά пріуроченъ, очевидно, къ одному изъ принадлежащихъ сюда глаголовъ, именно къ ὑπάρχειν.

[2] Въ этомъ примѣрѣ Аполлоній поставилъ вмѣсто собственнаго имени, которое требуется для подтвержденія его правила, мѣстоименіе οὗτος; онъ это сдѣлалъ на томъ основаніи, что вообще, по его взгляду, какъ мы ниже увидимъ, мѣстоименія своимъ значеніемъ равносильны собственнымъ именамъ.

Аполлоній, имѣетъ хорошее основаніе (πάνυ εὐλόγως), такъ какъ «ἐσομένην ποιότητα τὸ ῥῆμα (разумѣй τὸ ὑπαρκτικόν) ὑπαγορεύει, τὸ δὲ ἄρθρον τὴν γενομένην οἶδεν». Послѣднія слова Аполлонія могутъ имѣть только такой смыслъ: „членъ“ указываетъ на то, что качество, обозначенное въ ἐπιθετικόν, всѣми уже признано за предметомъ, между тѣмъ какъ ὑπαρκτικόν подсказываетъ намъ, что качество, выраженное въ ἐπιθετικόν, имѣетъ быть принято выслушивающимъ рѣчь только къ свѣдѣнію. Во всемъ этомъ объясненіи читатель видитъ съ одной стороны подтвержденіе непризнанія Аполлоніемъ особаго «номинальнаго сказуемаго», съ другой же стороны оно показываетъ, что различіе, выраженное нами въ терминахъ «собственное опредѣленіе предмета» и «характеристика предмета», Аполлонію не было неизвѣстнымъ.

На вопросъ, что навело Аполлонія на установленіе понятія, похожаго на нашу «характеристику предметовъ», a priori возможны три отвѣта: или онъ вообще любилъ углубляться въ разборъ *логическаго отношенія* синтаксически зависящихъ другъ отъ друга словъ, именно того логическаго отношенія, о которомъ говоритъ Беккеръ (см. стр. 32); или онъ замѣтилъ въ ὑπαρκτικά *особенность значенія*, заключающуюся, можетъ быть, въ томъ, что они, въ различіе отъ другихъ глаголовъ, требуютъ къ себѣ эту «характеристику предметовъ» какъ *необходимое* пополненіе *своего смысла*; или, наконецъ, его навелъ на установленіе понятія о «характеристикѣ предметовъ» просто тотъ особый внѣшній видъ рѣчи, тотъ пропускъ слова ὁ, о которомъ онъ говоритъ при установленіи этого понятія, и который противорѣчитъ правилу его о постановленіи слова ὁ при ἐπιθετικά, соединенныхъ съ собственнымъ именемъ.

Къ сожалѣнію, изъ предложенныхъ на нашъ вопросъ трехъ отвѣтовъ на дѣлѣ къ Аполлонію примѣнимъ только послѣдній: установленіе понятія о «характеристикѣ предметовъ» не пошло у Аполлонія дальше тѣхъ синтаксическихъ явленій, которыми оно было вызвано, т. е. явленій, похожихъ на приведенный примѣръ Διονύσιος θέλει μου γνώριμος καλεῖσθαι, и формулированныхъ у него выраженіемъ *«пропускъ слова* ὁ *изъ-за ипарктическихъ* (sit venia verbo!) *глаголовъ*. О склонности къ разбору *логическаго отношенія* синтаксически зависящихъ другъ отъ друга словъ ни въ одномъ изъ сохранившихся сочиненій Аполлонія нѣтъ и помину, и нельзя скрыть отъ себя того, что не рѣдко, особенно же въ вопросахъ о постановкѣ слова ὁ, упомянутое обстоятельство мѣшаетъ Аполлонію удовлетворительно рѣшить тотъ λόγος, который составляетъ главную задачу его науки (ниже читатель будетъ имѣть возможность убѣ-

диться въ правильности нашихъ словъ). Что касается *особенности значенія* τῶν ὑπαρκτικῶν, то оно отличено Аполлоніемъ отъ другихъ глаголовъ, помимо нашего примѣра Διονύσιος θέλει μου γνώριμος καλεῖσθαι, въ очень многихъ мѣстахъ его сочиненій, но вездѣ отличіе это формулировано другими выраженіями, чѣмъ тою ἐσομένη ποιότης, о которой мы говорили выше. Одно изъ главныхъ мѣстъ, разъясняющихъ особенность значенія ипарктическихъ глаголовъ, есть περὶ συντ. 114 и слѣд. Тамъ говорится, что всѣ остальные глаголы принимаютъ къ себѣ при первомъ и второмъ грамматическихъ лицахъ именительные падежи *мѣстоименій*, а только при третьемъ лицѣ *могутъ* принять къ себѣ и ὄνομα (говорятъ напр. ἐ γ ὼ ἔγραψα, σὺ ἔγραψας, ὅδε или Τρύφων ἔγραφε), между тѣмъ какъ ὑπαρκτικά (вотъ опредѣленіе особенности ихъ *значенія*!) требуютъ въ пополненіе своего смысла поименованіе примѣты (σημαίνει τὰ ὑπαρκτικὰ ἰδίας ποιότητος θέσιν; смотри περὶ συντ. 115. 14), отличающей извѣстный предметъ или извѣстную группу предметовъ отъ другихъ, а потому должны соединяться во всѣхъ грамматическихъ лицахъ съ именительнымъ падежемъ τοῦ ὀνόματος, которое только и способно выразить упомянутую ἰδίαν ποιότητα (περὶ συντ. 115. 24: σαφὲς οὖν ὅτι οὐ δυνάμενα διαφεύσασθαι τὴν ἰδίαν θέσιν τῶν ὀνομάτων τὰ ὑπαρκτικὰ ἐπισπᾶται τὰ ὀνόματα ἐκ τρίτου προσώπου κατὰ το πρῶτον καὶ τὸ δεύτερον).

Въ сообщенномъ нами изложеніи разницы между ὑπαρκτικὰ и другими глаголами намъ хотѣлось бы видѣть яснѣе высказаннымъ слѣдующее: 1) что та θέσις τῆς ἰδίας ποιότητος, которая является въ рѣчи необходимою при ὑπαρκτικὰ, есть что-то совершенно различное отъ θέσις τῶν προσώπων т. е. тѣхъ мѣстоименій и того 3-го лица τῶν ὀνομάτων, которыя ставятся при остальныхъ глаголахъ; 2) что θέσις τῆς ἰδίας ποιότητος должна быть при ὑπαρκτικὰ *соединена* съ θέσις τῶν προσώπων, и что одна безъ другой въ рѣчи обойтись не можетъ (говорятъ напр.: ἐγὼ δίκαιος ὀνομάζομαι; если θέσις τῶν πρωσώπων и не выражена особымъ словомъ—въ данномъ случаѣ словомъ ἐγώ—, то она заключается во формѣ глагола); 3) что та совокупность τῆς θέσεως τῶν ἰδίων ποιοτήτων съ θέσις τῶν προσώπων, которая является необходимою при ὑπαρκτικά, и которую, по примѣру выраженія ἡ ἐκφώνησις μεγίστη ἐστιν, Аполлоній долженъ принимать за одно синтаксическое цѣлое въ противопоставленіе къ самому ὑπαρκτικόν, при другихъ глаголахъ бываетъ не невозможною (въ выраженіи ἀγαθοὶ οἱ γονεῖς παιδεύουσι τοὺς υἱᾶς слово ἀγαθοί можно привести въ такое же отношеніе къ слову γονεῖς, какое Аполлоній долженъ видѣть, если хочетъ быть послѣдователенъ, въ приведенномъ выше при-

мѣрѣ между ἐγὼ и δίκαιος); 4) что нужно различать конструкціи дѣйствительныхъ ὑπαρκτικά (ὀνομάζω σε δίκαιον) отъ конструкцій страдательныхъ ихъ формъ и глаголовъ εἰμὶ и ὑπάρχω. Въ отвѣтъ на эти наши четыре требованія мы должны прежде всего указать на то, что объ отличіи конструкцій *дѣйствительныхъ* ὑπαρκτικά отъ *страдательныхъ* Аполлоній положительно нигдѣ не упоминаетъ. Что же касается остальныхъ трехъ нашихъ замѣчаній, то они, правда, сами собою разумѣются и являются, до нѣкоторой степени, необходимыми послѣдствіями всего того, что нами уже сообщено изъ Аполлонія объ ὑπαρκτικά; тѣмъ не менѣе особое растолкованіе ихъ не было бы никогда въ ущербъ закругленности Аполлоніевой системы. Къ сожалѣнію, исканіе у Аполлонія яснаго отвѣта на наши три замѣчанія у насъ окончилось неудачею. Только одно мѣсто, кажется намъ, немного отвѣчаетъ намъ на высказанныя здѣсь требованія; это именно περὶ συντ. 115. 21. Бутманъ, не понявъ, видно, смысла этого мѣста, находитъ его противорѣчащимъ мѣсту, непосредственно предшествующему (именно περὶ συντ. 6—20). Мы, видя въ немъ отвѣтъ на наше требованіе, находимъ его вполнѣ правильнымъ. Вплоть до 115. 21 Аполлоній толковалъ о θέσις τῆς ἰδίας ποιότητος при ὑπαρκτικά, и по этому находилъ невозможными выраженія ἐγὼ ὀνομάζομαι (=οὐκ ἐγχωρεῖ τὸ ἐγὼ ὀνομάζμαι) и пр., такъ какъ ἐγώ, мѣстоименіе, не можетъ выразить собою τὴν ἰδίαν ποιότητα. Послѣ этого замѣчанія Аполлоній продолжаетъ: «конечно, нельзя съ другой стороны отрицать и возможности оборота ἐγὼ εἰμι (=καὶ σαφές, ὅτι τὸ ἐγὼ εἰμι ἐνεχώρει ἐγγίγνεσθαι); но въ этомъ случаѣ слово ἐγώ обозначаетъ не ἰδίας ποιότητος θέσιν, а ὕπαρξιν». Бутманъ, сбитый съ толку терминомъ ὑπαρκτικά, думаетъ, что подчеркнутое нами ὕπαρξις тождественно съ ἰδίας ποιότητος θέσις, а потому и находитъ все мѣсто безсмысленнымъ и противорѣчащимъ предшествующему. Намъ подчеркнутое слово ὕπαρξις напоминаетъ строки περὶ συντ. 19. 7, гдѣ сказано: «къ формѣ глагола напр. κινεῖται ищемъ ὑπάρξιν τινος ὑποκειμένου и спрашиваемъ τίς κινεῖται». Очевидно, что и περὶ συντ. 19. 7, и περὶ συντ. 115. 21 подъ исканіемъ τῆς ὑπάρξεως разумѣется исканіе слова, которое обозначало бы самый *предметъ*, къ которому относится глаголъ, и что περὶ συντ. 115. 21. эта ὕπαρξις *отличается* отъ ἰδίας ποιότητος θέσις, какъ чего-то указывающаго только на особую *примѣту* опредѣленнаго уже заранѣе другимъ словомъ предмета. Мы видимъ, такимъ образомъ, въ мѣстѣ περὶ συντ. 115. 21 прямой отвѣтъ на то, что требовалось у насъ въ первомъ изъ приведенныхъ въ этомъ параграфѣ трехъзамѣчаній.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было на счетъ ὑπαρκτικά, одно для насъ становится пока несомнѣннымъ. Глаголъ εἰμί вовсе не занимаетъ у Аполлонія такого исключительнаго положенія, какъ у насъ (т. е. въ нашей теоріи предложеній), а уравненъ, въ вопросѣ о сказуемомъ, со всѣми остальными глаголами. Конечно, такое уравненіе глагола εἰμί со всѣми остальными глаголами, какъ самъ читатель могъ убѣдиться, ни чуть не мѣшало бы Аполлонію, если бы ему вздумалось, повернуть къ нашей теоріи остововъ предложенія. Его формулы остововъ предложенія должны бы быть въ такомъ случаѣ проще въ сравненіи съ нашими. Упрощеніе это, однако, относилось бы только къ грамматическимъ формамъ *сказуемаго* (наши двѣ формы сказуемаго слились бы у него въ одну); что же касается грамматическихъ формъ подлежащаго, то, судя по тому пониманію вещей, какое обнаруживаетъ Аполлоній въ своемъ «синтаксисѣ», его перечень этихъ формъ долженъ бы выдти чуть ли не полнѣе нашего. Въ самомъ дѣлѣ; самое существительное, занимающее у насъ первое мѣсто между грамматическими формами подлежащаго, Аполлоній понимаетъ гораздо шире, чѣмъ мы: онъ, собственно говоря, даже не знаетъ имени существительнаго какъ особой части рѣчи; онъ знаетъ только *имя* (=ὄνομα; будемъ-те уже держаться термина *имя*), заключающее въ себѣ (цитаты послѣ) и наше существительное, и прилагательное, и склоняемое числительное, и нѣкоторыя изъ нашихъ мѣстоименій (τίς, ποῖος и др.). Такимъ образомъ, упрекъ, возведенный нами выше на нашихъ теоретиковъ изъ-за опущенія нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ подлежащаго, въ случаѣ признанія за Аполлоніемъ нашей теоріи предложенія, не могъ бы никакъ быть отнесенъ къ этому грамматику уже изъ-за того, что онъ придаетъ такой широкій смыслъ своему ὄνομα [1]. О всѣхъ остальныхъ разрядахъ словъ, какія, при вычисленіи грамматическихъ формъ подлежащаго, нашими грамматиками приводятся послѣ существительнаго, прежде всего нужно замѣтить то обстоятельство, что всѣ они замѣняютъ существительное не только въ положеніи подлежащаго, но и

[1] Изъ разрядовъ словъ, на которые мы указывали выше какъ на опускаемые нашими теоретиками при вычисленіи грамматическихъ формъ подлежащаго, въ Аполлоніево ὄνομα не включено одно лишь причастіе. Participium у Аполлонія считается особою частью рѣчи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь разъяснить Аполлоніева взгляда на отношеніе participium'а къ ὄνομα; такое разъясненіе здѣсь было бы очень трудно для изложенія, такъ какъ оно повело бы насъ къ предзахватыванію того, что съ бо́льшимъ удобствомъ можетъ быть изложено ниже.

во всѣхъ другихъ положеніяхъ, занимаемыхъ имъ въ рѣчи; другими словами: они замѣняютъ собою существительное не какъ особую часть предложенія, а какъ особую часть рѣчи. Такую замѣну существительнаго признаетъ, однако, въ своемъ «синтаксисѣ» и Аполлоній: мѣстоименіе, не включенное имъ въ ὄνομα, онъ, наравнѣ съ нами, называетъ ἀντωνυμίαν, въ полномъ сознаніи, что оно ἀντ' ὀνόματος παραλαμβάνεται (это онъ высказываетъ на каждомъ шагу; сравни напр. περὶ ἀντ. 8 B. и др.); что же касается неопредѣленнаго наклоненія и другихъ словъ, то объ уравненіи ихъ Аполлоніемъ съ ὄνομα свидѣтельствуетъ между прочимъ мѣсто περὶ συντ. 22. 15 и слѣд., гдѣ о словѣ ὁ говорится, что оно присоединяется не только къ ὄνομα, но и къ неопредѣленному наклоненію (напр. τῷ περιπατεῖν ἥδομαι) и ко всякой части рѣчи, когда она «σημαίνει οὐδὲν πλέον ἢ ὄνομα τῆς φωνῆς (напр. τὸ λ έ γ ε προστακτικόν ἐστιν и др.).»

Итакъ, не встрѣчая, со стороны вышеизложеннаго обстоятельства, рѣшительно никакихъ препятствій, которыя могли бы Аполлонію преграждать путь къ нашей теоріи остововъ предложенія, мы приступаемъ къ рѣшенію предупрежденнаго выше вопроса: примкнулъ Аполлоній дѣйствительно къ этой теоріи, или нѣтъ? Ланге (das System der Syntax des Apoll. стр. 13 и слѣд.) толкуетъ о какомъ то приближеніи Аполлонія къ теоріи Беккеристовъ. Опираясь на повторяющуюся часто у Аполлонія теорему, что ὀνόματα и ῥήματα суть ἐμψυχότατα или θερατικώτερα μέρη τοῦ λόγου, и толкуя слово λόγος въ значеніи *предложеніе*, нашъ ученый утверждаетъ, что этою теоремою Аполлоній возвышаетъ свой синтаксисъ надъ синтаксисъ до-Беккеровскаго времени, которое любило-де строить весь синтаксисъ на разборѣ восьми частей рѣчи, каждой по одиночкѣ: sein System, говоритъ Ланге на стр. 14, steht dadurch (т. е. черезъ такой взглядъ на ὀνόματα и ῥήματα) dem Bekkerischen Systeme weit näher, als es scheint. Мы будемъ еще разъ считаться съ приведеннымъ мнѣніемъ Ланге, а пока мы должны высказать нѣкоторое удивленіе, почему Ланге обманывалъ себя мыслью о близости такихъ предметовъ, какъ синтаксическія системы, суть которыхъ опредѣляется всегда ихъ *началомъ* (для уразумѣнія слова *начало* сравни нашего «введенія» стр. 14), и которыя по этому только и могутъ быть или одинаковы (хотя бы притомъ одна и была болѣе развита т. е. обнимала бы больше фактовъ, чѣмъ другая), или различны; tertium non datur. Мы, съ своей стороны, не обманывая себя подобною мыслью, отвѣтимъ на вопросъ объ отношеніи Аполлонія къ Беккеру въ такой же степени прямо, въ какой онъ нами былъ поставленъ. Прежде всего, однако, намъ приходится заявить,

что на указанной Ланг'омъ теоремѣ объ ὀνόματα и ῥήματα мы, въ отвѣтѣ на нашъ вопросъ, никакъ основываться не можемъ. Правильность нашего отвѣта требуетъ отъ насъ разглянуться—не забывая притомъ, конечно, выше предположеннаго отождествленія глагола εἰμὶ съ остальными глаголами—нѣтъ ли въ Аполлоніевомъ синтаксисѣ такихъ мѣстъ, въ которыхъ разсматривался бы разрядъ фактовъ, совершенно тождественный съ тѣмъ, какой разсматривается въ нашей теоріи остововъ предложенія. Такія мѣста дѣйствительно встрѣчаются у Аполлонія, и мы сейчасъ увидимъ, что теорема объ ὀνόματα и ῥήματα имѣетъ къ нимъ лишь самое отдаленное отношеніе. Въ самомъ дѣлѣ: въ теоремѣ объ ὀνόματα и ῥήματα Аполлоній имѣетъ въ виду не наше *подлежащее* и формы, въ которыхъ оно проявляется, и не наше *сказуемое*, а просто ὀνόματα и ῥήματα какъ части рѣчи, могущія занимать въ предложеніе самыя второстепенныя мѣста. Онъ называетъ эти части рѣчи ἐμψυχότατα или θεματικώτερα, какъ и самому Ланге не было не извѣстно (смотри у него стр. 11), лишь только потому, что τὰ ὑπόλοιπα τῶν μερῶν τοῦ λόγου ὡς πρὸς τὴν τούτων (разумѣй: ὀνομάτων и ῥημάτων) εὐχρηστίαν ἀνάγεται (смотри περὶ ἑρμ. 530. 30; то же самое объясненіе нашей теоремы встрѣчаемъ и περὶ συντ. 22. 5, только вмѣсто πρὸς εὐχρηστίαν здѣсь сказано πρός σύνταξιν). Что дѣйствительно эта теорема, при такомъ ея объясненіи, самыми главными можетъ считать слова, занимающія самое послѣднее мѣсто въ предложеніи, и въ то же самое время можетъ оказаться *непримѣнимою* къ словамъ, составляющимъ часто самую существенную часть остововъ предложенія,—въ этомъ насъ можетъ убѣдить примѣненіе приведеннаго ея объясненія къ предложенію напр. ἐδείπνει οὗτος ἐν ταύτῃ τῇ οἰκίᾳ. Въ этомъ предложеніи слово οἰκίᾳ—наше опредѣленіе, respective обстоятельство—будетъ, по пониманію Аполлонія, ἐμψυχότατον μέρος λόγου, потому что къ нему «ἀνάγεται» и предлогъ ἐν, и мѣстоименіе ταύτῃ, и членъ ὁ, между тѣмъ какъ его подлежащее, слово οὗτος, будетъ уже что то очень второстепенное, такъ какъ—смотри περὶ συντ. 22.10—не къ нему (къ слову οὗτος) ἀνάγεται τὰ ὑπόλοιπα μέρη τοῦ λόγου, а само оно ἀνάγεται πρὸς τὴν τοῦ ὀνόματος σύνταξιν, будучи употреблено ἀντ' ὀνόματος.

Мѣстъ, разсматривающихъ факты, совершенно тождественные съ тѣми, какіе разсматриваются въ нашей теоріи остововъ предложенія, въ Аполлоніевомъ «синтаксисѣ» довольно много, и всѣ они, вмѣстѣ взятыя, даютъ полнѣйшее, не возбуждающее никакого сомнѣнія на счетъ своей правильности, понятіе о томъ, къ какой теоріи Аполлонію удалось

возвести упомянутые факты. Представивъ читателю резюме этихъ мѣстъ, мы познакомимъ его и съ самою теоріею Аполлонія.

Изъ глагола какъ части рѣчи, говоритъ Аполлоній, до нѣкоторой степени выдѣляется неопредѣленное наклоненіе, которое скорѣе можно считать за *наименованіе* τοῦ πράγματος (слово πρᾶγμα—*дѣйствіе*—нужно принимать, какъ мы послѣ увидимъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ), чѣмъ за *глаголъ* [1]. Такимъ образомъ можно сказать (не будемъ упускать изъ виду, что и причастіе Аполлоній считаетъ вовсе не глаголомъ, а особою частью рѣчи; ссылки къ этому мы представимъ ниже), что всякая глагольная форма, въ своемъ окончаніи, указываетъ на именительный падежъ какого нибудь изъ трехъ грамматическихъ лицъ [2], къ которому относится дѣйствіе, выраженное во всей глагольной формѣ. Такое различіе въ логическомъ объемѣ Аполлоніева термина ῥῆμα и нашего *глаголъ* побуждаетъ насъ—во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, подобно тому, какъ мы сдѣлали съ Аполлоніевымъ ὄνομα (смотри выше стр. 42, строка 19)—предложить читателю для обозначенія Аполлоніева ῥῆμα какое нибудь другое выраженіе, отличное отъ нашего выраженія *глаголъ*. Мы предлагаемъ выраженіе *личный глаголъ* или *личныя глагольныя формы*.

Три грамматическихъ лица личныхъ глагольныхъ формъ нужно понимать слѣдующимъ образомъ: первое лице будетъ то, которое заявляетъ что нибудь о самомъ себѣ; второе-то, которому говорящее лице заявляетъ что нибудь о немъ; третье, наконецъ, то которомъ говорящій заявляетъ что нибудь своему собесѣднику [3].

---

[1] περὶ ἐπιρρ. 541.25: οὐδὲ ῥήματα ἦν τὰ ἀπαρέμφατα, ὀνόματα δὲ πραγμάτων. Если читатель находитъ это мѣсто противорѣчащимъ мѣсту 230 6, гдѣ неопредѣленное наклоненіе названо γενικώτατον ῥῆμα, то это противорѣчіе не должно возбуждать сомнѣнія на счетъ правильности нашего резюме; ниже мы будемъ имѣть возможность поговорить объ этомъ противорѣчіи.

[2] Περὶ ἀντ. 28 A: πέφυκε γὰρ ἡ τῶν ῥημάτων ἐκφορά (= употребленіе въ рѣчи глагола) μετὰ προσώπου τοῦ κατὰ τὴν εὐθεῖαν καὶ πρᾶγμα δηλοῦν.

[3] Вопросомъ, какъ понималъ Аполлоній грамматическія лица, занимаются многіе Аполлонисты (Egger p. 105, Skrzeczka, Programm 1069., Schomann, Redetheile) и всѣ они рѣшаютъ его правильно; только мѣсто изъ Аполлонія, на какое они при этомъ ссылаются, именно περὶ ἀντ. 22. B, довольно темное,

Есть нѣкоторыя условія, при которыхъ для полноты τοῦ λόγου ничего другаго не нужно, кромѣ одной только личной глагольной формы. Одно изъ этихъ условій заключается въ слѣдующемъ: лице, къ которому относится τὸ πρᾶγμα, и которое указано въ окончаніи личной глагольной формы, должно быть непремѣнно или первое или второе [1]—стало быть такое,

---

такъ что приходится имъ скрѣплять его смыслъ свидѣтельствами другихъ грамматиковъ (Херобоска, Присціана). А между тѣмъ, у насъ есть болѣе ясное мѣсто у самого Аполлонія, такъ что нечего было околицею добиваться истины. Мѣсто это—περὶ συντ. 254.4; оно гласитъ такъ: ἔστι γὰρ πρῶτον τὸ ὑπὲρ ἑαυτοῦ ἀποφαινόμενον, δεύτερον δέ, πρὸς ὃ ἡ ἀπόφασις? (Беккеръ читаетъ ἀπότασις) ὑπὲρ αὐτοῦ τοῦ προσφωνουμένου. Третье лице въ этомъ мѣстѣ не опредѣляется, но опредѣленія его легко уже догадаться изъ опредѣленій первыхъ двухъ лицъ. То темное мѣсто, на которое Аполлонисты въ нашемъ вопросѣ ссылаются (περὶ ἀντ. 22 B) гласитъ такъ: ὀρθῶς πρόσωπον ἐκλήθη, ὅπερ (я не начинаю, какъ Шнейдеръ, новой строки съ слова ὅπερ, а присоединяю ὅπερ со всѣмъ его продолженіемъ, въ видѣ придаточнаго предложенія, къ предъидущему тексту) ῥητέον εν μὲν τῇ περὶ ἑαυτοῦ ἀποφάσει (занятую, поставленную здѣсь Шнейдеромъ, я уничтожаю) πρῶτον, εἴγε καὶ ἡ ἐν τοῖς ἑξῆς προσώποις ἀπόφασις ἐξ αὐτοῦ γίνεται, ἐν δὲ τῇ πρὸς ὃν ὁ λόγος... (разумѣй ἀποφάσει) ὑπὲρ αὐτοῦ--δεύτερον, ἐν δὲ τῇ (слѣдующее читаю по предложенію Шнейдера) περὶ τοῦ μήτε προσφωνοῦντος μήτε προσφωνουμένου—τρίτον. Смыслъ этого мѣста (толкованіе его избѣгаютъ Аполлонисты) я понимаю такъ: правиленъ терминъ *лица*, при опредѣленіи коихъ нужно указать на то, что первое лице возникаетъ при чьемъ нибудь заявленіи чего нибудь *о самомъ себѣ* (слово *о самомъ себѣ* въ этомъ опредѣленіи—самое важное, и нужно отличать тѣ случаи, въ которыхъ говорящій заявляетъ что нибудь о другихъ предметахъ); второе лице возникаетъ, когда говорящій, къ кому обращается, о томъ и дѣлаетъ заявленіе; третье, наконецъ, лице возникаетъ при заявленіи чего нибудь не о томъ, кто говоритъ, и не о томъ, къ кому обращаются съ рѣчью, а о какомъ нибудь другомъ предметѣ.

[1] Περὶ ἀντ. 27. C. τινὲς μὲν οὖν ὑπέλαβον, ἐντελεστέραν εἶναι τὴν μετὰ ῥημάτων καὶ ἀντωνυμιῶν φράσιν (рѣчь идетъ о томъ, могутъ ли формы ἔδωκας или ἐλάλησας обойтись въ рѣчи безъ σύ, или нѣтъ) . . . ἐγὼ δὲ οὐκ οἶμαι τὰς τοιαύτας φράσεις ἐλλιπεῖς εἶναι (=нуждаются) τῶν ἀντωνυμιῶν, ὅπου διὰ ῥημάτων κατὰ τὸ πρῶτον πρόσωπον καὶ δεύτερον ἡ τῶν ῥημάτων παράθεσις (=употребленіе въ рѣчи глагола) ἀναπληροῖ (=со-

что *личность* его не можетъ оставаться никогда не опредѣленною [1], такъ какъ, разумѣется, говорящему не можетъ быть неизвѣстенъ ни онъ самъ, ни его собесѣдникъ. При этомъ, однако, ни первое, ни второе лицо не должны быть противопоставляемы въ умѣ говорящаго никакому другому лицу. Если упомянутое противопоставленіе *совершается* въ умѣ говорящаго, тогда выразительность рѣчи требуетъ—неэнклитическими именительными падежами ἐγώ σύ, ἡμεῖς, ὑμεῖς [2], прибавлен-

---

вершенно достаточно обозначаетъ) τὴν τῶν προσώπων μετάβασιν (=къ какому лицу относится дѣйствіе; о значеніи слова μετάβασις сравни Skrzeczka, Programm 1869, pag. 16).

[1] Περὶ συντ. 12. 18. παρυφίσταται (=заключается) οὖν ἡ εὐθεῖα ἐν αὐτοῖς ῥήμασι, κατὰ μὲν τὸ πρῶτον καὶ δεύτερον ὁριζομένη..

[2] Вызванный нѣкоторыми недоумѣніями своихъ современниковъ, Аполлоній подвергаетъ особому разбору вопросъ о томъ, не есть ли слова σύ и ὑμεῖς скорѣе звательные, чѣмъ именительные падежи (разборъ этого вопроса помѣщенъ περὶ συντ. 214—218, 19; въ мѣстѣ περὶ ἀντ. 65. B—68 A говорится о томъ же вопросѣ, но съ бо́льшимъ колебаніемъ на счетъ его рѣшенія, чѣмъ въ указанномъ мѣстѣ изъ синтаксиса). Всѣ его аргументы по этому вопросу приводятъ къ тому, чтобы принять слова σύ и ὑμεῖς за именительные падежи. Изъ этихъ аргументовъ самые вѣскіе слѣдующіе: „если", говоритъ онъ, во фразахъ σοὶ ὄντι ἀγαθῷ и σὲ ὄντα ἀγαθόν падежи мѣстоименія тождественны съ падежемъ слова ἀγαθός, то то же самое мы должны принимать и во фразѣ σὺ ὢν ἀγαθός; также и способность союза напр. ἤ соединять только *одинаковые* падежи указываетъ на то, что во фразѣ ἦ ἐγὼ ἀπέρχοαι ἢ σὺ ἢ Διονύσιος слово σὺ есть именительный падежъ". „Вообще звательный падежъ имѣетъ въ рѣчи какое то самостоятельное положеніе и отдѣляется отъ остальныхъ словъ рѣчи паузою (στιγμὴν ἀπαιτεῖ ἡ κλητικὴ αὐτοτελὴς οὖσα; смотри περὶ ἀντ. 67, B); слово же σύ встрѣчается въ рѣчи только соединеннымъ съ остальными словами (ἐνούμενον εὐθείαις ἐστι—περὶ συντ. 217. 15); въ самостоятельномъ положеніи, отдѣленномъ отъ остальной рѣчи паузою, и расчитанномъ на то, чтобы обратить на себя вниманіе вызываемаго нами лица, мы въ словѣ σύ не нуждаемся (ἐπεχόμενον δὲ κατὰ τὴν σύ καὶ ἐπιστρέφον τὸ προσφωνούμενον κλητικὴν οὐ δεόντως παραλαμβάνει) и употребляемъ **лучше** ὄνομα, такъ какъ на простое мѣстоименіе все равно вызываемыя нами лица и неопредѣлившійся еще какъ наши собесѣдники не откликнутся (οἱ γοῦν προσφωνούμενοι διὰ τῆς ἀντωνυμίας δυσανασχέτως ἔχουσι, σαφὲς ὅτι ἐπιζητοῦντες τὸ ὄνομα)." Судя по послѣднимъ словамъ приведенной аргументаціи, Аполлоній не исключаетъ слова σὺ и ὑμεῖς изъ „самостоятельнаго положенія" безусловно

ными къ глагольной формѣ, *второй разъ* указать на то же, на что уже указано въ окончаніи личнаго глагола [1], подобно тому какъ напримѣръ въ оборотѣ ναὶ γράφω одно и тоже понятіе, именно утвержденіе осуществленія дѣйствія γράφειν на лицѣ *я*, въ видахъ выразительности рѣчи, обозначено двумя средствами, именно словомъ ναὶ и самимъ изъявительнымъ наклоненіемъ слова γράφω [2]. Точно также не можетъ оставаться безъ выраженія именительнаго падежа особымъ словомъ всякая личная глагольная форма третьяго лица, такъ какъ сама глагольная форма, показывая только, что лице, къ которому отнесено дѣйствіе, не принадлежитъ къ бесѣдующимъ (не есть ни προσφωνοῦν, ни προσφωνούμενον), и не можетъ опредѣлить личности его (т. е. оставляетъ въ неизвѣстности, къ какому именно изъ посторонникъ, по отношенію къ бесѣдующимъ, предметовъ относится дѣйствіе) [3]. Только при такихъ дѣйствіяхъ, при которыхъ мы не можемъ оставаться въ недоумѣніи, къ кому ихъ отнести, какъ напр. при словахъ ὄει, βροντᾷ—очевидно что Ζεὺς ὄει, Ζεὺς βροντᾷ—можно и къ

Жаль, что онъ не останавливается отдѣльно на словахъ σύ и ὑμεῖς при повелительныхъ наклоненіяхъ; интересно было бы узнать, удержалъ ли бы онъ свое правило, что ἐνούμενον τὸ σύ εὐθείας ἐστί.

[1] Περὶ ἀντ. 23. 24: τοῦ μέντοι λόγου δεομένου ἀντιδιαστολῆς (=противопоставленіе лица глагольной формы какому нибудь другому лицу) καὶ τῶν ῥημάτων μὴ δυναμένων ἔτι τοῦτο ἀναπληρῶσαι, ἐξ ἀνάγκης παραλαμβάνονται αἵ τε κατὰ τὸ πρῶτον καὶ αἱ κατὰ τὸ δεύτερον πρόσωπον ἀντωνυμίαι· οἷον ἡμεῖς κατέβημεν (=*мы сошли*, а не *они*) ἐγὼ ἐθεασάμην (=*я* смотрѣлъ, а не *ты*).

[2] Περὶ συντ. 118. 20: φαμεν δὲ καὶ ναί γράφω, βεβαιοτέραν ποιούμενοι τὴν ἀπόκρισιν διὰ τῆς δίς παρειλημμενης συγκαταθέσεως . . . τὸν αὐτὸν δὴ τρόπον ὑπούσης ἐκφορᾶς ἀπολελυμένης (=при употребленіи глагола не съ оттѣнкомъ противопоставленія его лица другому лицу) φήσομεν φιλολογῶ, φιλολογεῖς· εἰ μέντοι γε τὴν πρός τινα σύγκρισιν ἐθέλωμεν διασαφῆσαι, ἐπισπώμεθα τὴν ἀντωνυμίαν, ἴδιον ἔχουσαν τὴν ἐν τοῖς προσώποις ἀντιδιαστολήν.

[3] Περὶ συντ. 120. 20: Ἀνάγκη μέντοι πᾶσα τοῖς τρίτοις προσώποις προσεῖναι ἢ αὐτάς τὰς ἀντωνυμίας ἢ τὰ ὀνόματα· οὐχ ἕνεκεν πτώσεως, ἐπεὶ πάλιν (разумѣй: какъ и въ первомъ и второмъ лицахъ) παρυφίσταται ἡ εὐθεῖα, ἀλλ' οὐδὲ ἕνεκα προσώπου—νοεῖται γὰρ ὅτι τρίτον—ἀλλ' ἕνεκά τοῦ μὴ ἀοριστοῦσθαι· ἄπειρα γάρ ἐστι τὰ πρόσωπα.

глагольной формѣ 3-го лица не приставлять никакого особаго именительнаго падежа [1]. Если при первыхъ двухъ лицахъ особыми именительными падежами могли быть только мѣстоименія, то за то въ 3-мъ лицѣ кромѣ мѣстоименій могутъ встрѣчаться и *имена* [2], и другіе, какъ мы выше видѣли (смотри стр. 43, строки 3 и слѣд.), разряды словъ. Особою помѣхою опущенію передъ личными глагольными формами именительнаго падежа и возможности ограничиться въ λόγος однимъ личнымъ глаголомъ—помѣхою, передъ которою не устоятъ никакія соображенія объ опредѣленности лицъ, выраженныхъ въ личномъ глаголѣ—служитъ тотъ оттѣнокъ значенія нѣкоторыхъ изъ глаголовъ, который Аполлоній выразилъ въ терминѣ ὑπαρκτιτά. Ипарктическіе глаголы всегда должны имѣть при себѣ ὄνομα [3] въ именительномъ (?) падежѣ [4].—Мы уже выше говорили (на стр. 41), что именительный падежъ τῶν ὀνομάτων, требуемыхъ ипарктическими глаголами, Аполлоній принимаетъ за нѣчто отличное отъ того именительнаго падежа, о которомъ мы толковали

---

[1] Περὶ. ἀντ 29. A. πάντοτε δεῖ τῷ τρίτῳ προσώπῳ τὴν ἀντωνυμίαν ἢ τὸ ὄνομα ἐπιφέρεσθαι . . . οὐκ ἀντικεῖται τὸ ὕει ἢ βροντᾷ ἢ ἀστράπτει αὐτοτελῆ ὄντα· ὑπακούεται γὰρ πάντως ὁ Ζεὺς εἴγε αὐτοῦ ταῦτα ἴδια·

[2] Περὶ συντ. 215. 16: τοῦτο γὰρ ἐξαίρετον ἔσχεν ἡ ἀντωνυμία, τὸ καὶ ἐν πρώτῳ καὶ ἐν δευτέρῳ προσώπῳ παραλαμβάνεσθαι, οὐ δυναμένων τῶν ὀνομάτων τὸ τοιοῦτον ἀναδέξασθαι. Эту цитату сопоставь съ двумя предъидущими, въ которыхъ при третьемъ лицѣ, рядомъ съ мѣстоименіемъ, упоминаются ὀνόματα. Вообще понятно, что для болѣе точнаго опредѣленія *личности* 3-го лица, удаленнаго отъ бесѣдующихъ, совсѣмъ не опредѣленнаго самою глагольною формою и представляющаго такъ много возможностей при выборѣ его изъ многихъ другихъ предметовъ, языкъ долженъ располагать какъ можно бо̀льшимъ количествомъ средствъ. Это обстоятельство вызвало и въ самомъ мѣстоименіи 3-го лица нѣкоторое богатство, въ сравненіи съ первыми двумя лицами, формъ, дабы каждая изъ нихъ, выражая то близость (ὅδε) или отдаленность (ἐκεῖνος), то грамматическій родъ предмета, какъ можно лучше направляла нашего собесѣдника къ отысканію самаго предмета. (Послѣднюю мысль, о причинахъ богатства формъ мѣстоименія 3-го лица, Аполлоній высказываетъ περὶ ἀντ. 21. B и περὶ συντ. 105. 11).

[3] Περὶ συντ. 115, 24: οὐ δύναται διαφεύσασθαι τὴν ἰδίαν θέσιν τῶν ὀνομάτων τὰ ὑπαρκτικά.

[4] Конечно, еслибы Аполлоній отличалъ конструкцію дѣйствительныхъ ὑπαρκτικὰ отъ конструкціи страдательныхъ ихъ формъ и отъ глаголовъ εἰμὶ и ὑπάρχω, тогда бы эта замѣтка объ именительномъ падежѣ была неправильна.

въ этомъ параграфѣ еще передъ ὑπαρκτικά, и который—кроется ли онъ въ личномъ глаголѣ или выраженъ особымъ словомъ — *присущъ всѣмъ глаголамъ вообще* [1], и что первый можно ставить при ὑπαρκτικὰ только какъ добавленіе къ послѣднему.

---

[1] Такъ называемыхъ „безличныхъ глаголовъ“ Аполлоній не знаетъ. Какъ онъ отнесся къ βροντᾷ и ὕει—мы уже слышали. Въ примѣрѣ δεῖ γράφειν Απολλώνιον онъ принимаетъ за именительный падежъ слово γράφειν („τὸ δ ε ῖ μετὰ τοῦ ἀ π α ρ ε μ φ ά τ ο υ ἐ ν ε ὐ θ ε ί ᾳ συντάσσομένου“—читаемъ περὶ ἐπίρρ. 540 11; немного ниже, περὶ ἐπιρρημ. 540. 20, Аполлоній что то такое толкуетъ о возможности припять слово γράφειν и за винительный падежъ, но добиться яснаго смысла этого мѣста невозможно). Примѣры въ родѣ μέλει μοι Σωκράτους онъ также не хочетъ признать за отступающіе отъ правила, что πάντα ῥήματα εὐθείᾳ συντάσσεται. Онъ думаетъ, что при глаголахъ, однородныхъ съ μέλει, подразумѣвается именительный падежъ слова, выражающаго собою то же πρᾶγμα, что и глаголъ (въ данномъ случаѣ им. пад. слова ἐπιμέλεια.) Что Аполлоній дѣйствительно такъ объяснялъ отсутствіе безличной конструкціи въ глаголахъ однородныхъ съ μέλει—это видно изъ мѣста περὶ συντ. 300. 8, гдѣ говорится: ἀναδέχεται τὸ ῥῆμα εὐθεῖαν τὴν κατὰ τοῦ π α ρ υ φ ι σ τ α μ έ ν ο υ πράγματος ἐν τῷ μ έ λ ε ι. Присціанъ Inst. XVIII. 55, говоритъ объ этомъ мѣстѣ такъ: Apollonius in III περὶ συντάξεως ostendit, in impersonalibus etiam posse intelligi nominationem *ipsius rei verborum* ... (при этомъ Присціанъ приводитъ нашу цитату изъ Аполлонія); nam cum dico *curritur*, *cursus* intelligo. Разсужденіе, которое у Аполлонія слѣдуетъ непосредственно послѣ нашей цитаты, съ перваго взгляда кажется нѣсколько противорѣчащимъ тому пониманію цитаты, какого мы придерживаемся вмѣстѣ съ Присціаномъ. Противорѣчіе это заключается въ томъ, что, по нашему пониманію приведенной цитаты, оборотъ μέλει μοι Σωκράτους нужно возвести въ личной конструкціи къ обороту ἡ ἐπιμέλεια μέλει Σωκράτους, между тѣмъ какъ самъ Аполлоній, περὶ συντ. 300. 25, въ личной конструкціи глагола μέλει приводитъ именительный падежъ не слова, заключающаго въ себѣ понятіе, одинаковое съ значеніемъ глагола μέλει, а неопредѣленнаго наклоненія, указывающаго на непосредственный предметъ τῆς ἐπιμελείας (μέλει Θέωνι τ ὸ π λ ο υ τ ε ῖ ν). Изложенное здѣсь противорѣчіе, однако, легко устраняется. Аполлоній, очевидно, различаетъ τὸ π α ρ υ φ ι σ τ ά μ ε ν ο ν ἐν τῷ μέλει ῥήματι πρᾶγμα отъ τ ό ἐ π ι σ υ μ β α ῖ ν ο ν (смотри 301. 4) или ὑπακουόμενον (300 28) πρᾶγμα. Подъ παρυφιστάμενον онъ разумѣетъ πρᾶγμα, которое въ самомъ значеніи глагола μέλει *заключается* (παρυφίστασθαι = заключаться; смотри περὶ συντ. 4. 5: 12 18; 23. 6; 33. 4; 101 2: 117. 23 и т. д), а подъ ἐπισυμβαῖνον или ὑπακουόμενον πρᾶγμα онъ разумѣетъ непосредствен-

Указанныхъ въ предъидущихъ пунктахъ условій, ведущихъ къ опущенію передъ личною глагольною формою особаго номинатива, не вполнѣ достаточно для того, чтобы αὐτοτελὴς (т. е. полный) λόγος могъ ограничиваться однимъ личнымъ глаголомъ. Вообще личные глаголы, хотя бы и соединенные съ особыми номинативами, не могутъ дать *никакого* полнаго смысла, развѣ если глаголъ имѣетъ какое нибудь исключительное свойство, благодаря которому онъ не требуетъ къ себѣ, кромѣ необходимаго номинатива, еще особаго косвеннаго падежа [1]. Если бы въ значеніи глаголовъ всегда только выражалось *проявленіе воли* (?), [2] предполагаю-

---

ный предметъ заботы. Затѣмъ онъ вилоть до 300.22 все толкуетъ о томъ, что въ μέλει нужно подразумѣвать εὐθεῖαν τοῦ παρυφισταμένου πράγματος. Только съ 300. 23 онъ начинаетъ разсуждать такъ: собственно, говоритъ онъ, нужно бы приставить къ глаголу μέλει именительные падежи словъ, обозначающихъ *предметъ* заботы, напримѣръ: τὸ πλουτεῖν μέλει τῷ Θέωνι и. т. д.; такихъ словъ, продолжаетъ онъ, можетъ быть очень много (παντὸς τοῦ ἐπισυμβαίνοντος πράγματος δεκτικόν ἐστι τὸ μέλει; смотри 301. 3); но вмѣсто всѣхъ ихъ (вотъ какой смыслъ я ищу въ строкахъ 301 4—8) при глаголѣ μέλει можетъ быть *подразумѣваемо* одно общее, обхватывающее ихъ всѣ, слово, именно поименованіе понятія, заключающагося въ самомъ значеніи глагола. (Жаль, что Беккеръ не представилъ намъ въ своемъ изданіи больше критическаго матеріала. Судя по его замѣткѣ на стр. 431 его изданія, онъ не мало затруднялся при установленіи текста въ строкахъ 301. 4—8. Мы читали бы это мѣсто такъ: παντὸς γὰρ τοῦ ἐπισυμβαίνοντος πράγματος κοινῶς ὑπακουομένου ἐν τῷ παρυφισταμένῳ πράγματι, αὐτοτελῶς, ὡς ἔφαμεν, τὸ μέλει ῥῆμα παραλαμβάνεται). Все сказанное нами по поводу мѣста περὶ συντ. 310. 15—301 8 мы считали необходимымъ сообщить въ виду той путаницы, которую предлагаетъ по поводу этого мѣста Бутманъ.

[1] Περὶ συντ. 198. 13: οὐδεμία εὐθεῖα συνίσταται δίχα ῥήματος εἰς αὐτοτέλειαν, καὶ ῥήματος τοῦ μὴ ἀπαιτοῦντος ἑτέραν (разумѣй: вдобавокъ къ именительному падежу) πλαγίαν.

[2] Такъ мы перевели Аполлоніево выраженіе ἐνέργεια. Мы не знаемъ, сознавалъ-ли вполнѣ Аполлоній ту психологическую подкладку выраженія ἐνέργεια, на какую мы указываемъ въ переводѣ *проявленіе воли*; но что это правильная подкладка, и что въ ней заключается весь утаенный смыслъ Аполлоніева выраженія—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. (Буквальнаго перевода, вполнѣ соотвѣтствующаго этимологическому составу слова ἐν + ἔργεια, мы придумать не могли, не рискуя сдѣлать въ нашемъ изложеніи circulum vitiosum.)

щее присутствіе не только существа, проявляющаго эту волю, но *и предмета, къ которому она направлена* [1], то, конечно, нельзя бы никогда обойтись безъ косвеннаго падежа. [2] Какъ ни много, однако, такихъ глаголовъ [3], но все же они не единственные. Такіе глаголы, какъ ζάω, φρονέω, γηράω, πλουτέω, κερδαίνω, для полноты τοῦ λόγου не требуютъ къ себѣ ничего больше, кромѣ именительнаго падежа [4]. Точно также

---

[1] Περὶ συντ. 277. 9: χρὴ γὰρ νοεῖν, ὅτι ἡ ἐνέργεια ὡς πρὸς ὑποκείμενόν τι διαβιβάζεται, ὡς τὸ τέμνει, τύπτει, τὰ τούτοις παραπλήσια.

[2] Περὶ συντ. 281. 24: ἡμιτελές τι (= что-то на половину только полное) καθίστησι ἡ παράθεσις τῶν τοιούτων πραγμάτων, ὡς ἔχει τὸ Τρύφων βλάπτει, Τρύφων φιλεῖ.

[3] Περὶ συντ. 240 20. πλείστοις ῥήμασι τὸ τοιοῦτον παρηκολούθει τὸ ἐπὶ γενικὴν φέρεσθαι ἢ δοτικὴν ἢ αἰτιατικήν.

[4] Обобщить значеніе этихъ глаголовъ не вполнѣ удалось Аполлонію, онъ говоритъ о нихъ περὶ συντ. 278. 4, что они выражаютъ собою только ὁρισμὸν τοῦ συνεῖναι τὸ ζῆν, τὸ φρονεῖν, τὸ γηρᾶν, καὶ ἔτι, ἐπὶ τῆς συνούσης οὐσίας τὸ ὑπάρχειν, καὶ ἐπὶ τῶν ἔξωθεν προσγινομένων κατ' οὐσίας περικτήσεων (вотъ чтеніе, которое, быть можетъ, дастъ больше смысла, чѣмъ Беккеровское περίκτησιν) ὡς τὸ πλουτεῖν, κερδαίνειν Въ словахъ этихъ, для обобщенія нашихъ глаголовъ самымъ важнымъ является выраженіе συνεῖναι. Оно противопоставляется Аполлоніемъ, очевидно, слову ἐνεργεῖν, обобщающему собою значеніе глаголовъ, требующихъ къ себѣ косвенные падежи. Въ словѣ ἐνεργεῖν указывалось на дѣйствіе глаголовъ какъ на проявленіе воли, воодушевляющей дѣятеля и направленной къ извѣстному предмету (не напрасно слово ἐνεργεῖν заключаетъ въ себѣ предлогъ ἐν), между тѣмъ какъ словомъ συνεῖναι Аполлоній хочетъ указать на глаголы какъ на *высказывающіе* (сравни въ нашей цитатѣ выраженіе ὁρισμόν) только *присутствіе* въ предметѣ, выраженномъ номинативомъ, чего то, что заключается въ значеніи глагола: какъ на вопросъ, *что́* присутствуетъ, можно отвѣтить *однимъ* словомъ, такъ и глаголъ, выражающій собою это присутствующее что-то, не требуетъ къ себѣ никакихъ дальнѣйшихъ распространеній (ἀπαρτίζει διάνοιαν—сказано συντ. 281.11—τὰ τοιαῦτα ῥήματα πρὸς εὐθείας σύνταξιν; жаль, что Аполлоній не опредѣлилъ ближе того круга понятій, на который указывается въ нашихъ глаголахъ какъ на присутствующій въ предметахъ, обозначенныхъ номинативомъ; выраженія въ родѣ οὐσία, κατ' οὐσίας περίκτησις, встрѣчающія въ нашей цитатѣ, не опредѣляютъ его).

безъ косвеннаго падежа могутъ обойтись всѣ глаголы, обозначающіе какое нибудь душевное или тѣлесное состояніе, или, что все равно, какое нибудь *самостраданіе* [1]. Можно, конечно, при такихъ глаголахъ особыми словами указывать на *причину* выраженнаго въ нихъ самостраданія, однако отсутствіе такого указанія не будетъ въ ущербъ полнотѣ τοῦ λόγου, точно также какъ при вышеисчисленныхъ глаголахъ ζῆν и пр. для полноты τοῦ λόγου рѣшительно одинаково, укажемъ ли или нѣтъ на мѣсто, на которомъ происходитъ то, что выражено въ этихъ глаголахъ [2]. Даже глаголы, обозначающіе ἐνέργειαν, могутъ, иногда, не требовать къ себѣ косвенныхъ падежей; часто вѣдь въ рѣчи дѣло идетъ о простомъ *признаніи* или *отрицаніи* происхожденія того, что выражено въ глаголѣ, безъ указанія на предметъ, на которомъ оно происходитъ [3]; въ такомъ случаѣ, существенная сторона τῆς ἐνεργείας какъ-бы стирается съ значенія глаголовъ, и они дѣлаются скорѣе выраженіями τοῦ πάθους [4].—Какъ Аполлоній представляетъ себѣ αὐτοτέλειαν τοῦ λόγου

---

[1] Περὶ συντ. 278. 10 Аполлоній прекрасно выражается о глаголахъ какъ κοπιῶ ὀφθαλμιῶ и т. п., что они σωματικὴν ἢ ψυχικὴν διάθεσιν σημαίνει, и что τὰ τοιαῦτα τῶν ῥημάτων ἐν αὐτοπαθείᾳ ἔχει τὸν ὁρισμόν. Слово αὐτοπάθεια, съ одной стороны, отличаетъ всѣ обнимаемые имъ глаголы отъ ῥήματα παθητικά (т. е. отъ страдательныхъ залоговъ въ родѣ τύπτομαι и пр.), указывающихъ на то, что страданіе извѣстнаго лица есть результатъ дѣйствія *другаго* лица, съ другой же стороны, оно какъ нельзя лучше отображаетъ въ себѣ растолкованное нами выше значеніе выраженія ἐνέργεια: *помимо моей воли* происходитъ во мнѣ что-то, когда я ὀφθαλμιῶ или κοπιῶ).

[2] Περὶ συντ. 281 12: ἀπαρτίζει τὰ τοιαῦτα ῥήματα τὴν διάνοιαν πρὸς εὐθείας σύνταξιν... χωρὶς εἰ μὴ ἐπὶ τῶν αὐτοπαθῶν αἰτήσειέ τις τὸ ποιοῦν τὸ πάθος, φθίνει Θέων ὑπὸ τῆς λύπης, πάσχει Θέων ὑπὸ τοῦ γυναίου, πυρέσσει Θέων διὰ τὸν κόπον· ἅπερ κἂν μὴ προσκέηται, τῇ αὐτοτελείᾳ τοῦ πάθους ἀνενδίαστά ἐστιν, ἐπεὶ καὶ τῷ ζῇ··· καὶ τοῖς ὁμοίοις αὐτοτέλεσιν οὖσιν προστίθεται ἔσθ' ὅτε τὸ ἐν γυμνασίῳ ζῇ ἢ ἐν οἴκῳ.

[3] Περὶ συντ. 282.5: καὶ φήσομεν ἐρᾷ οὗτος, φιλεῖ οὗτος, ὡς εἰκὸς ἐπ' ἀναγνώσματος ἀναγιγνώσκει οὗτος, αὐτὸ μόνον τὸ πρᾶγμα μηνύοντες· καὶ ἐν ἀποφάσει γὰρ ἔστιν φάναι οὐκ οἶδεν ἀναγιγνώσκειν οὗτος.

[4] Περὶ. συντ. 282.1: οὐ μέντοι μοι δοκεῖ βίαιον εἶναι τὸ καὶ ἕνια τούτων (разумѣй глаголы, обозначающіе ἐνέργειαν) τὸν αὐτὸν ἐπέχειν λόγον τοῖς

при личныхъ глаголахъ съ формою и значеніемъ страдательнаго залога, принималъ ли онъ напр. выраженіе τύπτεται οὗτος за αὐτοτελές, или оно у него тоже только ἡμτελές и требуетъ къ себѣ непремѣнно предлогъ ὑπὸ съ родительнымъ падежемъ (напр. τύπτεται ὑπ' ἐμοῦ), объ этомъ онъ ясно нигдѣ не высказывается. Сообщенное на стр. 53 мѣсто περὶ συντ. 281. 12 ведетъ насъ къ тому заключенію, что онъ вообще всѣ конструкціи съ предлогомъ считалъ не необходимыми для αὐτοτέλεια τοῦ λόγου. Съ другой стороны, въ мѣстѣ περὶ ἐπιρρ. 529. 16 (мы къ этому мѣсту еще возвратимся) сопоставленіе оборотовъ Τρύφων τύπτει Διονύσιον и ὑπὸ Τρύφωνος τύπτεται Διονύσιος, какъ двухъ разныхъ формъ для выраженія одного и того же смысла, даетъ намъ понять, что выраженіе τύπτεται Διονύσιος Аполлоній считалъ за ἡμιτελές. Конечно, мы не будемъ особенно сожалѣть о той неясности или, даже, если хотите, нѣкоторой противорѣчивости, какая у Аполлонія встрѣчается въ указаніяхъ, относящихся къ нашему вопросу о границѣ между αὐτοτέλεια и ἡμιτέλεια въ нашихъ случаяхъ. Если бы Аполлоній предвидѣлъ нашъ вопросъ, то онъ отвѣтилъ бы намъ, конечно, яснѣе. Мы однако предвидимъ, въ чемъ заключалась бы эта ясность: Аполлоній долженъ былъ бы, очевидно, такъ же уклончиво говорить о необходимости для αὐτοτέλεια τοῦ λόγου конструкціи съ ὑπὸ въ этихъ случаяхъ, какъ уклончиво онъ говорилъ о необходимости косвеннаго падежа при глаголахъ, обозначающихъ τὴν ἐνέργειαν (смотри выше стр. 52 и 53).

Особый разрядъ глаголовъ, въ вопросѣ о необходимости присоединить къ личнымъ глагольнымъ формамъ, для полноты τοῦ λόγου, еще другія слова кромѣ номинатива, составляютъ такъ называемыя προαιρετικά. Есть много глаголовъ, которые выражаютъ собою не столько πρᾶγμα, сколько душевное расположеніе извѣстнаго лица къ извѣстному πρᾶγμα. Такіе глаголы суть напр: θέλω, βούλομαι, προθυμοῦμαι [1], φιλῶ и προαιροῦμαι [2].

προειρμένοις (разумѣются глаголы ζῇ, ὑπάρχει и пр.), ὥστε μὴ πάντως πλαγίαν ἐπιζητεῖν. αὐτὸ γὰρ μόνον μηνύειν ἐθέλοντες τὰ ἐγκείμενα πάθη φήσομεν ἐρᾷ οὗτος, φιλεῖ οὗτος.

[1] Περὶ συντ. 228.20: τῶν ῥημάτων ἃ μέν ἐστιν ἐμπεριεκτικὰ πράγματος, ἃ δὲ αὐτὸ μόνον προαίρεσιν ψυχῆς ὁρίζεται, ἐλλείποντα τῷ πράγματι, ὡς τὸ θέλω, βούλομαι, προθυμοῦμαι.

[2] Въ оборотахъ φιλῶ γράφειν и προαιροῦμαι ἀναγιγνώσκειν, приведенныхъ Аполлоніемъ немного выше предъидущей цитаты (смотри περὶ συντ 218.16), указывается на φιλῶ (разумѣется не то φιλῶ, которое

Они требуютъ къ себѣ сверхъ именительнаго падежа еще неопредѣленное наклоненіе [1]; послѣднее, въ свою очередь, какъ *поименованіе* того πρᾶγμα, къ которому кто нибудь расположенъ, можетъ присоединить къ себѣ, на общемъ, вышеизложенномъ, основаніи, косвенный падежъ [2]. Независимо отъ неопредѣленнаго наклоненія, слова βούλομαι, θέλω и синонимы ихъ, на равнѣ съ глаголами, обозначающими τὴν ἐνέργειαν, могутъ принять къ себѣ винительный падежъ того иредмета, на которомъ мы «расположены» осуществить извѣстное πρᾶγμα; обязательно появляется въ рѣчи помянутый винительный падежъ тогда, когда предметъ, на которымъ имѣетъ осуществиться πρᾶγμα, не тождественъ съ лицемъ, расположеннымъ къ осуществленію этого πρᾶγμα (напр. βούλομαί σε γράφειν) [3]. Конечно, a potiori fit nominatio [4], и терминъ προαιρετικὰ можно бы распространить (?) на всѣ вообще глаголы, которые соеди-

---

дополняется простымъ винительнымъ падежемъ), равно какъ и на προαιροῦμαι, какъ на однородныя, по значенію, съ глаголами θέλω и пр. Отъ глагола προαιροῦμαι всѣ наши глаголы получили у Аполлонія свое названіе.

[1] Περὶ συντ. 228.26: τῶν ῥημάτων αὐτὸ μόνον προαίρεσιν ψυχῆς ὁριζόμενα ὡσπερεὶ κενὰ ὄντα ἀναπληροῦται τῇ τοῦ πράγματος παραθέσει, ὅπερ οὐκ ἄλλο τί ἐστιν ἢ τὸ προκείμενον ἀπαρέμφατον.

[2] Περὶ σύντ. 240. 18: τὰ δὲ ἀπαρέμφατα πτῶσιν ἀπαιτεῖ τὴν ἐν τοῖς ὁριστικοῖς (т. е. въ изъявительныхъ наклоненіяхъ) συντασσομένην.

[3] Περὶ συντ. 285. 9: καὶ τὰ προαιρετικὰ δὲ τῶν ῥημάτων τὰ τῆς διαθέσεως ἔχει συντείνοντα κατ' αἰτιατικὴν πτῶσιν ἐπὶ πάντα τὰ ῥήματα, ὧν ἐστὶ καὶ ἐλλιπῆ, εἰ γένοιτο ἐκ πρώτου πρὸς τὸ δεύτερον καὶ τρίτον ἢ ἐκ τρίτου πρὸς δεύτερον καὶ πρῶτον. Подъ встрѣчающимся здѣсь словомъ διάθεσις нужно, конечно, разумѣть не ту ψυχικὴν διάθεσιν, которая характеризуетъ собою значеніе τῶν προαιρετικῶν, и *переходъ* τῆς προαιρέσεως отъ лица, которое προαιρεῖται, къ какому нибудь другому предмету. Что такое пониманіе слова διάθεσις позволительно—это доказываетъ мѣсто περὶ ἐπιρρημ. 540. 5, гдѣ говорится о примѣрѣ τύπτει Διονύσιος Ἀπολλώνιον, что въ немъ ἡ διάθεσις ἀπὸ τοῦ τύπτειν ἐπ' αἰτιατικήν ἐστι μετιοῦσα.

[4] Что Аполлоній признавалъ это правило, это доказываетъ его объясненіе вопроса, почему всѣ части рѣчи можно называть названіемъ главной изъ нихъ, именно названіемъ ὀνόματα. Κατεχράτησεν οὖν, пишетъ Аполлоній περὶ συντ. 12. 23, ἡ ἀπ αὐτοῦ (разумѣй ἀπὸ τοῦ ὀνόματος) θέσις τὸ πάντα τὰ τοῦ λόγου μέρη καλεῖσθαι ὀνόματα.

няются съ инфинитивомъ, каковы напр. χρή, δεῖ и др. [1]. Если мы ихъ и не назовемъ προαιρετικά, такъ какъ они, въ самомъ дѣлѣ, никакой προαίρεσις не обозначаютъ, то они, во всякомъ случаѣ, въ вопросѣ о внѣшней формулѣ τοῦ λόγου, должны стоять рядомъ съ προαιρετικά [2]. Ихъ можно просто называть τὰ συντασσόμενα τοῖς ἀπαρεμφάτοις; многіе изъ нихъ, такъ-же какъ и προαιρετικά, требуютъ къ себѣ винительный падежъ

---

[1] Что Аполлоній дѣйствительно пытался причислить къ προαιρετικά какъ всѣ вообще глаголы, дополняющіеся инфинитивомъ, такъ и, въ частности глаголы χρὴ и δεῖ, это можно вычитать изъ мѣста περὶ ἐπιρρ. 539. 15, гдѣ говорится: τοῖς προαιρετικοῖς παρακολουθεῖ τὸ μετὰ ἀπαρεμφάτων συντάσσεσθαι,. τὰ δὴ οὖν προκείμενα (рѣчь идетъ о словахъ χρὴ и δεῖ) εἰ μὲν ῥήματά ἐστιν, ὀφείλει προαιρετικὰ εἶναι (разумѣй ἅτε συντασσόμενα τοῖς ἀπαρεμφάτοις), εἰ δὲ οὐ προαιρετικά, οὐ ῥήματα. Конечно, слишкомъ настаивать на томъ выводѣ, который мы сдѣлали на основаніи этого мѣста, нельзя. Сочиненіе περὶ ἐπιρρημάτων, въ которомъ встрѣчается наше мѣсто, написано Аполлоніемъ раньше, чѣмъ синтаксисъ (сравни у Бутмана введенія стр. 17); затѣмъ, то обстоятельство, что въ синтаксисѣ, при толкованіи χρὴ и δεῖ, какъ и вообще всѣхъ другихъ глаголовъ, имѣющихся въ виду въ этой сноскѣ, объ отнесеніи къ этимъ глаголамъ термина προαιρετικά нѣтъ и помину, легко можетъ привести къ тому заключенію, что провозглашеніе ихъ за προαιρετικά въ первомъ изъ помянутыхъ Аполлоніевыхъ сочиненій была только неточность и колебаніе во взглядѣ на этотъ вопросъ, и что все это въ другомъ сочиненіи, написанномъ съ цѣлью подвести итоги всѣмъ синтаксическимъ вопросамъ, уже поправлено.

[2] Рядомъ поставлены τὰ προαιρετικὰ съ τὰ συντασσόμενα τοῖς ἀπαρεμφάτοις въ мѣстѣ περὶ συντ. 231. 7. „Всякое наклоненіе личнаго глагола, говорится здѣсь, можно разложить на инфинитивъ и на личный глаголъ, выражающій собою то же, что выражала и форма наклоненія; такъ вмѣсто περιπατῶ можно сказать ὡρισάμην περιπατεῖν, вмѣсто περιπατοῖμι — ηὐξάμην περιπατεῖν, вмѣсто περιπάτει—προσέταξα περιπατεῖν, и инфинитивъ является, передавая слова Аполлонія математическими терминами, *общимъ множителемъ* всѣхъ глагольныхъ формъ (τὸ συνεκτικώτατον τῶν ἁπάντων ῥημάτων)“ Все это Аполлоній излагаетъ непосредственно послѣ того, какъ указалъ на слова βούλομαι и синонимы ихъ какъ на κενὰ τοῦ πράγματος и ἀναπληρούμενα τῷ ἀπαρεμφάτῳ ὄντι γενικωτάτῳ τῶν ἄλλων ῥημάτων (περὶ συντ. 229 и слѣд.). Не указываетъ ли подобное сопоставленіе прямо на то, что Аполлоній слова ὁρίζομαι εὔχομαι,

τῆς διαθέσεως (смотри стр. 55, сноска 3.) [1]. Инфинитива въ смыслѣ падежа, зависящаго отъ глагола, въ этихъ глаголахъ, какъ и при προαιρετικά, часто толковать не приходится [2].

Мы сообщили читателю все, что только могло выяснить взглядъ Аполлонія на явленія, подводимыя нашими синтаксистами подъ теорію остововъ предложенія. Что же мы можемъ теперь сказать объ отношеніи Аполлоніевой теоріи къ теоріи послѣдователей Беккера?

Вопервыхъ, изъ всего приведеннаго мы видимъ, что вездѣ, гдѣ наши синтаксисты находятъ *сказуемое* да *подлежащее*, Аполлоній, съ своей стороны, толкуетъ о *личныхъ глаголахъ*, *объ именительномъ падежѣ при личныхъ глаголахъ*, *объ особомъ именительномъ падежѣ* τῶν ὑπαρκτικῶν *и о неопредѣленномъ наклоненіи при* προαιρετικά. Вообще нужно знать, что Аполлонію термины подлежащее и сказуемое совсѣмъ неизвѣстны. Незнаніе этихъ терминовъ мы не будемъ считать, однакожь, пробѣломъ въ его синтаксисѣ, такъ какъ они и въ системѣ Беккера представляются намъ, если не неправильною, то во всякомъ случаѣ не проведенною послѣдовательно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно (?) [3] лишнею

προστάττω и всѣ, разумѣется, ихъ синонимы, за сродненныя съ προαιρετικά? (одинъ изъ этихъ глаголовъ, именно εὔχομαι, трудно и отдѣлить отъ προαιρετικά).

[1] Περὶ συντ. 242 и слѣд. Аполлоній толкуетъ о примѣрахъ какъ то δεῖ σε ἀκούειν Τρύφωνος, λέγουσι Θέωνα ὑβρίσαι Δίωνα, ποίησον Τρύφωνα χαρίσασθαι Ἀπολλωνίῳ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, подчеркнутыя нами слова: (σε, Θέωνα, Τρύφωνα) Аполлоній находитъ въ такой же прямой зависимости отъ глаголовъ δεῖ, φασὶ и ποίησον, какъ въ примѣрѣ γράφω ἐπιστολήν слово ἐπιστολὴ отъ γράγω.

[2] При δεῖ и χρὴ (по нашему безличныхъ), какъ мы видѣли, Аполлоній толковалъ инфинитивъ въ смыслѣ именительнаго падежа. При личныхъ προαιρετικά и συντασσόμενα τοῖς ἀπαρεμφάτοις, если они требуютъ къ себѣ винительный падежъ имени (какъ напр. φασὶ Τρύφωνα πλουτεῖν), о толкованіи инфинитива въ смыслѣ падежа нѣтъ и помину (оно и трудно было отыскать въ такомъ инфинитивѣ какой нибудь падежъ).

[3] Къ слову *совершенно* мы поставили знакъ вопроса. Пока, конечно, принятіе въ синтаксисъ терминовъ *подлежащее* и *сказуемое* не можетъ намъ показаться инымъ, чѣмъ *совершенно* излишнимъ. При полномъ разъясненіи *системы* синтаксиса мы, однако, увидимъ, что термины *подлежащее* и *сказуемое* могутъ иногда понадобиться; только придется эти термины толковать въ другомъ смыслѣ, чѣмъ они обыкновенно толкуются. Отчасти мы указали на ихъ значеніе въ синтаксисѣ на стр. 39 (6-я строка снизу и слѣд.).

прикраскою, замаскировывающею [1] скорѣе всю систему синтаксиса, чѣмъ содѣйствующею ея прозрачности.

Вовторыхъ слѣдуетъ указать на то, что у Аполлонія *именительному падежу личныхъ глаголовъ* не отводится такое преимущественное положеніе предъ косвеннымъ падежемъ, соединяемымъ съ *глаголомъ* вообще (πλαγία πτῶσις τῶν ῥηματικῶν; сравни стр. 45), какимъ у нашихъ синтаксистовъ подлежащее пользуется передъ тою грамматическою категоріею нашей теоріи предложенія, съ которою приходится намъ сопоставлять Аполлоніеву πλαγίαν πτῶσιν τῶν ῥηματικῶν, именно съ «дополненіемъ». У Аполлонія,

[1] Аполлоніевы термины *личные глаголы, именительный падежъ при личныхъ глаголахъ*, *именительный падежъ* τῶν ὑπαρκτικῶν и *неопр. накл. при* προαιρετικά вполнѣ годились бы и для нашей теоріи предложенія. Они обнимаютъ собою рѣшительно (?) всѣ синтаксическія явленія, для которыхъ нашими синтаксистами придуманы слова *подлежащее, сказуемое* и другіе термины, указывающіе на грамматическія формы подлежащаго и сказуемаго (смотри выше стр. 30 и 31); они вмѣстѣ съ тѣмъ и очень опредѣлительны, относясь, каждый въ отдѣльности, къ черезвычайно строго очерченной области синтаксическихъ явленій, такъ что смѣшиваніе этихъ явленій при употребленіи такихъ терминовъ не возможно (послѣдніе два Аполлоніевы термины, при извѣстной широтѣ значенія словъ ὑπαρκτικά и προαιρετικά, гораздо опредѣлительнѣе даже, чѣмъ наши выраженія *связка съ именительнымъ подежемъ* и *вспомагательный глаголъ*) Нельзя также, при отрекомендовываніи для нашей теоріи предложенія Аполлоніевыхъ терминовъ, забывать и о томъ обстоятельствѣ, что именно они не выходятъ изъ круга понятій, въ которыхъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, только и можетъ вращаться синтаксическая теорія. Термины *подлежащее* и *сказуемое*, какъ уже сказано нами на стр. 30, претендуютъ на уравненіе *внѣшнихъ схемъ* предложенія съ логическою формулою мышленія. Какъ ни заманчивъ планъ о подобномъ уравненіи, все же осуществленіе его не можетъ дать особенныхъ результатовъ для синтаксиса, такъ какъ *установленіе* внѣшнихъ схемъ предложенія путемъ такого уравненія оказывается совершенно невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ; если мы принимаемъ предложеніе за какую—то органически слившуюся окончательную форму окончательно составленной въ нашемъ умѣ мысли, то, конечно, въ этой мысли, а слѣдовательно и въ выражающемъ ее предложеніи, всегда можно говорить о подлежащемъ и сказуемомъ, т. е. всегда можно указать на два понятія какъ на особо выдающіяся изъ числа прочихъ и служащія какъ-бы представителями двухъ противоположныхъ сторонъ, отрицательность или положительность связи которыхъ въ самой мысли выставлена какъ-бы предметомъ вопроса. Вотъ примѣры, въ которыхъ подчеркнутыя слова указываютъ на такое подлежащее и сказуемое: *въ смерти* ищутъ обыкновенно *освобожденіе отъ*

напротивъ того, и именительный падежъ личныхъ глаголовъ и πλαγία πτῶσις τῶν ῥηματικῶν — оба они какъ-бы сравнены передъ глаголомъ; они признаются оба появляющимися въ рѣчи только благодаря глаголу, вызваннымъ его *значеніемъ*, указывая при этомъ на предметы, на которые распространяется (διατίθεται) τὸ πρᾶγμα, выраженное глаголомъ, а потому считаются, наравнѣ съ неопредѣленными наклоненіями,

---

бѣдствій; *наказаніе* за извѣстный проступокъ должно всегда служить *мѣрою исправленія* для провинившагося; тебѣ, *при твоей нечестности*, въ концѣ концевъ все таки не *сдобровать*. Читатель, однако, видитъ изъ приведенныхъ примѣровъ, что *внѣшняго вида* такихъ подлежащихъ и сказуемыхъ, какія у насъ вышли при разсматриваніи предложенія какъ органически слившейся формы окончательно составленной въ нашемъ умѣ мысли—никоимъ образомъ установить не возможно. Равнымъ образомъ не выгадываетъ синтаксисъ и тогда, когда мы смотримъ на предложеніе какъ на цѣлый рядъ рѣзко отдѣлимыхъ другъ отъ друга наростковъ, выставляя при этомъ мысль, выраженную этимъ предложеніемъ, за какую-то цѣпь отдѣльныхъ членовъ, въ коей всегда новый членъ присоединяется къ прежнимъ какъ къ чему-то вполнѣ разобщенному съ новымъ наращеніемъ. Синтаксисъ не выгадываетъ здѣсь ничего потому, что при разсматриваніи предложенія съ такой точки зрѣнія, какъ и самъ Беккеръ отчасти признаетъ (сравни выше стр. 33, цитата изъ Sprachorg. 159), каждое наращеніе будетъ относиться къ предшествующемъ членамъ помянутой цѣпи, какъ сказуемое къ подлежащему (въ предложеніи *слишкомъ жестоко наказали этого шалуна* слово *шалуна* есть сказуемое, имѣющее свое подлежащее въ словѣ *этого*, слово *наказали* есть сказуемое, имѣющее подлежащее въ словахъ *этого шалуна* и т. д.), и, такимъ образомъ, цѣлое предложеніе не будетъ заключать въ себѣ ничего другаго кромѣ подлежащихъ и сказуемыхъ, облеченныхъ въ самыя разнообразныя и необъемлемыя грамматикою внѣшнія формы. Какой путь, спрашивается наконецъ, довелъ нашихъ синтаксистовъ до того, что логическіе термины *подлежащее* и *сказуемое* сдѣлались терминами *опредѣленныхъ* внѣшнихъ формъ частей предложенія? Это былъ, если можно такъ выразиться, путь анализа *генетической* стороны *сложности* предложенія; ему же они обязаны и тою непослѣдовательностью, о которой мы упомянули въ пополняемомъ этою сноскою мѣстѣ. Усматривая въ предложеніи, состоящемъ изъ двухъ словъ, напр. въ предложеніи Ἀλέξανδρος στρατεύεται, самую *низшую* степень его сложности, и переходя черезъ второй видъ этого предложенія, именно черезъ Ἀλέξανδρος στρατευόμενός ἐστι, къ предложеніямъ въ родѣ Ἀλέξανδρος φοβερός ἐστι и т. п., состоящимъ изъ 3-хъ словъ, они въ предѣлахъ этой степени сложности предложенія и стали уравнивать внѣшнюю схему предложенія съ логическою формулою мышленія и получили то установле-

вызванными значеніемъ τῶν προαιρετικῶν, синтаксически вполнѣ зависящими отъ глагола [1].

Такимъ образомъ все то, что наши синтаксисты или умѣютъ, или не умѣютъ отнести къ *подлежащему*, *сказуемому* и *дополненію* какъ **особымъ частямъ предложенія,** Аполлоній, съ своей стороны, весьма систематически разбираетъ какъ синтаксическое построеніе, въ коемъ первенствующую роль играетъ *личная глагольная форма* какъ **особая часть рѣчи**, всѣ же остальныя слова входятъ, какъ читатель

ніе внѣшнихъ схемъ предложенія, котораго мы не могли добиться при вышеразобранныхъ двухъ способахъ такого-же уравненія. Но затѣмъ уже—а это и есть та непослѣдовательность, о которой мы говорили—наши синтаксисты, переходя къ высшимъ степенямъ сложности предложенія, оставили путь упомянутаго уравненія, и для классификаціи внѣшнихъ схемъ новыхъ наращеній предложенія придумали термины *дополненіе* и *опредѣленіе* со всѣми тѣми несообразностями, о которыхъ мы отчасти уже говорили (сравни выше стр. 34), и которыя еще больше выяснятся ниже.

[1] Если для кого нибудь эта вторая замѣтка показывается не вытекающею съ такою ясностью изъ всего вышеизложеннаго, какъ замѣтка предшествующая, то вотъ мѣсто изъ Аполлонія, которое, излагая ученіе Аполлонія такъ же суммарно, какъ и наша замѣтка, и имѣя къ ней черезъ это непосредственное отношеніе, доказываетъ какъ нельзя положительнѣе правильность ея: „τὰ ῥήματα θέλει συντάσσεσθαι τοῖς πτωτικοῖς ἢ ὡς πτωτικοῖς“, заявляетъ Аполлоній περὶ ἐπιρρ. 539. 29, подчиняя, такимъ образомъ, τὰ πτωτικά (падежныя формы) глаголу (подъ ὡς πτωτικά разумѣются тѣ несклоняемыя слова, о которыхъ упомянуто нами выше на стр. 43). Что упомянутыя здѣсь πτωτικά обнимаютъ собою и именительный падежъ и косвенные падежи, это доказываетъ сопоставленіе этого мѣста съ мѣстомъ περὶ ἐπιρρ. 529. 11, гдѣ сказано: ἡ τῶν ὀνομάτων (ὀνόματα, очевидно, служатъ здѣсь только какъ-бы представителями всѣхъ словъ, могущихъ принять или этимологически *дѣйствительную* падежную форму—τὰ πτωτικά—, или *значеніе* падежной формы—τὰ ὡς πτωτικά) σύνταξις πρὸς τὰ ῥήματα παρίστησι διάθεσιν ἐγγιγνομένην τοῖς πτωτικοῖς, ἔσθ' ὅτε καὶ τῶν πλαγίων πτώσεων συμπαραλαμβανομένων, ἐφ ἃς καὶ συντείνει ἡ διάβασις ἡ ἀπὸ τῆς ἐνεργείας. Мѣсто это, въ словахъ διάθεσιν ἐ γ γ ι γ ν ο μ έ ν η ν τ ο ῖ ς π τ ω τ ι κ ο ῖ ς, указываетъ на ту цѣпь приставляемыхъ къ глаголу падежныхъ формъ, о которой мы говорили въ доказываемомъ настоящею сноскою текстѣ.— Какіе оттѣнки смысла достигаются черезъ присоединеніе къ глаголу одного или другаго изъ падежей, это весьма правильно растолковано Аполлоніемъ, но распространяться объ этомъ мы считаемъ *теперь* преждевременнымъ.

могъ убѣдиться, въ весьма опредѣленное отношеніе къ этой части рѣчи какъ ея распространители.—Въ сказанной замѣткѣ мы добрались до чего-то очень удобнаго для *окончательнаго* рѣшенія вопроса объ отношеніи нашей теоріи предложенія къ синтаксической теоріи Аполлонія, но все же заканчивать счеты по этому вопросу, непосредственно послѣ сказанной замѣтки, мы не станемъ. Намъ придется прежде посчитаться съ другимъ еще вопросомъ, особенно теперь сильно напрашивающимся на разрѣшеніе. То обстоятельство, что Аполлоній всю нашу теорію подлежащаго, сказуемаго и дополненія свелъ къ установленію отношенія личныхъ глагольныхъ формъ какъ *особой части рѣчи* къ остальнымъ словамъ какъ распространителямъ этой части рѣчи, наводитъ насъ на мысль, особенно въ виду сказаннаго нами на стр. 34 строка 9, не извѣстны ли Аполлонію наши остальныя двѣ части предложенія, *обстоятельство* и *опредѣленіе*, и не толкуются ли онѣ у него тоже какъ распространители частей рѣчи, первая какъ распространитель глагола, а вторая—какъ распространитель τοῦ ὀνόματος?

Относительно «обстоятельства» мы уже говорили на стр. 34, что сами наши теоретики, собственно говоря, не имѣютъ твердой опоры для отдѣленія его отъ «дополненія». Дайте нашимъ теоретикамъ отличить «обстоятельство» отъ «дополненія» въ примѣрахъ *коса нашла на камень*, *онъ попалъ въ острогъ*, *я квартирую въ гостинницѣ*, то они будутъ въ большомъ недоумѣніи. Положимъ, нѣкоторые руководятся тѣмъ правиломъ, что если выраженія, какъ наши *на камень*, *въ острогъ*, *въ гостинницѣ*, *болѣе необходимы* для пополненія смысла глагола, тогда слѣдуетъ ихъ принять за «дополненіе», въ противномъ же случаѣ принимаютъ ихъ за «обстоятельство». Однако *большая* и *меньшая* необходимость въ пополненіи глагола есть плохая опора для различія грамматическихъ категорій. Иное дѣло, если мы на вопросъ *куда, гдѣ* отвѣчаемъ особою частью рѣчи, «*нарѣчіемъ*»; тогда уже внѣшній видъ этой части рѣчи, ея несклоняемость, заставляетъ насъ отдѣлять ее отъ вышеприведенныхъ оборотовъ съ предлогомъ; но въ такомъ случаѣ, за чѣмъ же выдумывать новый терминъ «обстоятельство», когда уже терминъ «*нарѣчіе*» достаточно обособляетъ обозначаемыя имъ слова? Совершенно такъ, какъ мы сейчасъ указали, поступаетъ нашъ Аполлоній. Мы видѣли на стр. 53, что выраженія ἐν οἴκῳ, ἐν γυμνασίῳ онъ считаетъ такими же ἀπαρτίσματα τῆς τῶν ῥημάτων διανοίας, какими были именительный или винительный падежи, ставящіеся при глаголѣ γράφω. Кромѣ того онъ признаетъ еще особую часть рѣчи,

ἐπίρρημα (=нарѣчіе), которая, въ сущности, тоже есть ἀπάρτισμα τῆς τῶν ῥημάτων διανοίας, какъ и падежные обороты ἐν οἴκῳ и т. п.—она потому и называется ἐπί+ῥῆμα (=приставляющаяся къ глаголамъ),—но только *отличается* отъ падежныхъ оборотовъ тѣмъ, что она ἐνὶ σχηματισμῷ κέχρηται (=не видоизмѣняется).

Что же касается «опредѣленія», то самый терминъ *опредѣленіе* напоминаетъ намъ приведенное уже выше (смотри стр. 38) Аполлоніево выраженіе ὄνομα ἐπιθετικόν (короче ἐπιθετικόν, или просто ἐπίθετον). Наши Аполлонисты достаточно разъяснили смыслъ этого Аполлоніева выраженія, такъ что намъ къ этимъ разъясненіямъ прибавлять нечего. Особенною правильностью въ разъясненіи смысла τοῦ ἐπιθετικοῦ отличается Шеманъ (Redetheile стр. 87). Дѣло въ томъ, что *имя* (ὄνομα; смотри выше стр. 42 строка 19), по употребленію его въ рѣчи, можно раздѣлить на два раздряда. Нѣкоторыя имена употребляются для *прямаго* обозначенія предмета (таковы бываютъ между прочимъ «собственныя» имена—κύρια ὀνόματα), а другія обозначаютъ только качество предмета; первыя мы будемъ называть «предметными именами», а вторыя «качественными». Послѣднія Аполлоній и называетъ ἐπιθετικά; и какъ качество не можетъ быть мыслимо само по себѣ, а только *на* извѣстномъ предметѣ, такъ и въ рѣчи качественное слово не можетъ стоять безъ предметнаго слова. Есть, впрочемъ, имена, которыя могутъ быть толкуемы и въ смыслѣ качественныхъ и въ смыслѣ предметныхъ словъ; таковы, прежде всего, всѣ «нарицательныя» имена (προσηγορικά [1]; что наши прилагательныя, на пр. τὸ κακόν, могутъ имѣть

---

[1] Такъ, слово ῥήτωρ, по взгляду Аполлонія, можетъ служить и предметнымъ словомъ (обозначаетъ цѣлый разрядъ людей, отличныхъ отъ другихъ людей извѣстнымъ качествомъ), и можетъ быть употреблено и въ значеніи качественнаго слова; въ послѣднемъ случаѣ оно примкнетъ въ рѣчи къ другому, предметному слову на пр. Τρύφων ὁ ῥήτωρ и т. п. Въ такомъ, сложномъ, выраженіи, гдѣ къ одному и тому же предмету отнесено нѣсколько словъ, занимающихъ одинаковое синтаксическое положеніе (т. е. согласующихся между собою въ числѣ и падежѣ), всегда одно слово выдвигается въ передъ какъ предметное, всѣ же остальныя будутъ качественными. На стр. 38-й мы видѣли, что въ выраженіи οὗτος ὁ ἄνθρωπος Аполлоній считаетъ слово οὗτος за предметное, а ἄνθρωπος за качественное (ἐπιθετικόν). Нѣкоторыя качественныя слова присоединяютъ къ себѣ родительный раздѣлительный (οἱ ἀγαθοὶ τῶν ἀνδρῶν); объ этихъ конструкціяхъ придется говорить ниже.

такое же обоюдное значеніе—это, хотя у Аполлонія нигдѣ не сказано, однако само собою разумѣется). Итакъ ἐπιθετικόν является у Аполлонія не какою нибудь частью предложенія, а просто извѣстнымъ подразрядомъ цѣлой части рѣчи, *именъ*, отличающимся отъ другаго подразряда этой части рѣчи своимъ особымъ значеніемъ [1], такимъ значитъ подрязрядомъ, какимъ напр. ὑπαρκτικὰ были въ ῥήματα. Если нѣкоторыя имена внѣ рѣчи и имѣютъ обоюдный характеръ (т. е. имѣютъ право быть употребленными и въ значеніи предметныхъ, и въ значеніи качественныхъ словъ), то въ рѣчи эта ихъ обоюдность совсѣмъ исчезнетъ (сомнѣній на счетъ того, когда они употребляютъ въ значеніи предметныхъ, и когда въ значеніи качественныхъ словъ, не можетъ быть никакихъ). Обнять всѣхъ случаевъ употребленія *нашего* «опредѣленія» Аполлоніевы ἐπιθετικὰ не могутъ, такъ какъ они не выходятъ изъ системы распредѣленія словъ на «части *рѣчи*»; да и нѣтъ особенной въ этомъ надобности для уразумѣнія построенія рѣчи. О такихъ явленіяхъ нашего «опредѣленія», какія замѣчаются въ примѣрахъ «похититель *свободы*, любовь *отца* и т. д.,» Аполлоній проще и гораздо лучше [2] говоритъ (смотри περὶ συντ. 301. 24 и слѣд.), что это есть такія же ἀπαρτίσματα τῆς τῶν ὀνομάτων διανοίας, какими винительный и именительный [3] падежи являются при ῥήματα. Въ примѣрахъ же «ударъ» *въ сердце* и т. п., «опредѣленіе» (или мы не назовемъ оборотъ *въ сердце* «опредѣленіемъ?») совершенно ничѣмъ

---

[1] По взгляду Аполлонія, ἐπιθετικὴν σύνταξιν могутъ имѣть (т. е. могутъ отвѣчать на такіе вопросы, какъ и ἐπιθετικά) и другія части рѣчи (напр. мѣстоименіе ἐμός въ оборотѣ ὁ ἐμὸς πατήρ, или participium γράφας въ оборотѣ ὁ γράφας παῖς); но какъ обороты εἰς οἶκον и т. п., хотя и имѣли ἐπιρρηματικὴν σύνταξιν, однако все же не были признаваемы Аполлоніемъ за ἐπιρρήματα (смотри περὶ ἐπιρρ. 592. 22 и 593. 23), такъ и здѣсь слова ἐμὸς, γράφας только ἐπιθετικώτερον ἀκούεται (смотри περὶσυντ. 81. 10), но не есть ἐπιθετικά.

[2] Оно и трудно ставить эти примѣры (по крайней мѣрѣ примѣры съ такъ называемымъ родительнымъ *объективнымъ*) на одну ногу съ примѣрами *добрый* человѣкъ и т. п. А если ихъ не принимать за „опредѣленіе“, а за „дополненіе“, тогда окончательно рушится вся эта система нашихъ Беккеристовъ.

[3] Объ именительномъ падежѣ Аполлоній на указанномъ мѣстѣ не говоритъ, но, всмотрѣвшись во всю его систему, мы можемъ сказать, что Аполлоній самъ, должно быть, не отказался бы отъ этого нашего добавленія.

даже не отличается отъ ἀπαρτίσματα τῆς τῶν ῥημάτων διανοίας, и вовсе не слѣдовало бы для такихъ явленій выдумывать новыхъ, въ отличіе отъ глагольныхъ конструкцій, синтаксическихъ категорій.

Мы приступаемъ къ главнымъ выводамъ по этому отдѣлу нашего сочиненія. Изъ всего сообщеннаго читатель могъ убѣдиться. что Аполлоній, не нуждаясь въ сбивчивой теоріи нашихъ Беккеристовъ, весьма яснымъ и простымъ путемъ достигъ того же самого, чего послѣдователи Беккера желали достугнуть своею теоріею предложенія. Онъ старался *уразумѣть* и *систематически* разобрать построеніе *рѣчи* и самаго *предложенія*, не выходя изъ области терминовъ о *частяхъ рѣчи*, (ῥήματα, ὀνόματα, ἐπιρρήματα и т. д.), объ ихъ видоизмѣняемости (πτώσεις, ἀριθμοί, πρόσωπα и т. д.), и объ ихъ подраздѣленіи на разряды по особенности ихъ *значеній* (ὑπαρκτικά, προαιρετικά, ἐπίθετα и т. д.). А такъ какъ—мы это отчасти уже видѣли—раздѣленіе словъ (λέξεις) на части рѣчи опредѣляется *значеніемъ*, *смысломъ* этихъ словъ, и такъ какъ термины о видоизмѣняемости частей рѣчи суть тожс не болѣе не менѣе какъ опредѣленія, болѣе близкія, *значенія* или смысла словъ (т. е. ихъ способности вызывать въ нашемъ умѣ извѣстныя представленія), то мы вообще можемъ сказать, что Аполлоній старался уразумѣть построеніе рѣчи путемъ опредѣленія *значенія* τῶν λέξεων, поставивъ во главѣ всего этого вопроса распредѣленіе этихъ λέξεις на *части рѣчи* (сравни стр. 43 строка 28). Отъ *значенія* τῆς λέξεως зависитъ, нуждается ли она или нѣтъ въ распространеніи черезъ какую нибудь другую λέξις своего *смысла*; *значеніе словъ* (τὸ δηλούμενον τῶν λέξεων)—это есть *начало* его системы синтаксиса; это есть то δέον, которое συντάττει τὰς λέξεις εἰς αὐτοτελῆ (=полный по смыслу; сравни особенно стр. 53) λόγον. Мы видѣли, что αὐτοτελὴς λόγος можетъ быть достигнутъ и при *одномъ* ῥῆμα (=нашъ сокращенный остовъ предложенія), и при ῥῆμα съ разными его распространеніями (наше предложеніе); но сейчасъ покажемъ, что, совершенно согласно съ Аполлоніевымъ *началомъ*. синтаксиса, αὐτοτελὴς λόγος идетъ еще дальше нашего предложенія. Περὶ συνδέσμων 491. 24 говорится, что выраженіе ἡμέρα ἐστίν есть αὐτοτελές, но ἤτοι ἡμέρα ἐστίν уже не есть αὐτοτελές, потому, разумѣется, что союзъ ἤτοι требуетъ къ прежнему обороту новыя еще λέξεις. Περὶ συνδέσμων 482. 11 (мѣсто это пришлось нашимъ критикамъ возстанавливать) совершенно правильно читается: ἔτι δὲ οὐκ αὐτοτελὲς τὸ ἡμέρα ἐστὶ καὶ, ἀλλ' ἐζήτει ἑτέραν φράσιν καὶ ἡμέρα ἐστὶ καὶ φῶς ἐστί. Можетъ быть, скажутъ, что Аполлоній разумѣлъ подъ своимъ αὐτοτελὴς λόγος не только простое, но и *сложное* предложеніе. Но не будемъ-те

держаться при разсматриваніи Аполлоніева синтаксиса такъ туго терминовъ, которые выросли на совершенно незнакомой же для Аполлонія почвѣ. Αὐτοτελῆ λόγον онъ разбиваетъ на λέξεις, которыя, смотря по ихъ значенію, раздѣляются на разныя μέρη λόγου. Эти μέρη λόγου мы переводимъ черезъ выраженіе «части *рѣчи*», а потому будемъ-те послѣдовательны и будемъ переводить самое слово λόγος словомъ *рѣчь*.

Итакъ *предметомъ изученія* Аполлоніева синтаксиса есть уразумѣніе построенія изъ отдѣльныхъ *словъ цѣльной рѣчи*, а *началомъ* его синтаксической системы служитъ опредѣленіе *значенія* этихъ словъ.

Для того, чтобы не остаться въ долгахъ передъ тѣми изъ затронутыхъ въ оконченныхъ главахъ нашего сочиненія вопросовъ, полное рѣшеніе которыхъ находится въ связи съ принятіемъ для системы Аполлоніева синтаксиса *симасіологическаго* (вотъ терминъ, годящійся для Аполлонія!) начала, мы должны сдѣлать здѣсь нѣсколько добавленій.

Во первыхъ, мы теперь убѣждены (сравни выше стр. 15), что дѣйствительно Эггеръ неправильно поступилъ, когда онъ, взявшись разъяснять синтаксисъ Аполлонія, а priori исключилъ изъ него весь отдѣлъ *о частяхъ рѣчи*. Въ самомъ дѣлѣ; уже тѣмъ, что Аполлоній, руководясь τῷ δηλουμένῳ τῆς λεξεως, призналъ извѣстную λέξις напр. за ἐπίρρημα— уже этимъ самымъ, я говорю, онъ указывалъ на способность этой λέξις *присоединяться* въ рѣчи (συντάττεσθαι) къ другимъ разрядамъ словъ, вмѣстѣ съ которыми она можетъ способствовать τῇ αὐτοτελείᾳ τοῦ λόγου, и, такимъ образомъ, въ самомъ *опредѣленіи* извѣстной части рѣчи и въ самомъ группированіи всѣхъ λέξεις на части рѣчи рѣшалась, съ точки зрѣнія Аполлонія, задача чисто синтаксическая.

По поводу страницъ 18-й и 19-й нашего сочиненія слѣдуетъ указать на то, что, дѣйствительно, во всѣхъ четырехъ примѣрахъ, приведенныхъ тамъ, вопросъ о καταλληλότης, который не могъ быть тогда рѣшенъ на почвѣ *синтаксиса согласованія*, весь и сводится къ вопросу о сочетаемости или несочетаемости словъ на основаніи ихъ *значенія*, и что самый *синтаксисъ согласованія*, какъ видно изъ приведеннаго на стр. 18-й способа разъясненія его Аполлоніемъ, прекрасно можетъ быть приведенъ въ систему на *симасіологической* почвѣ.

Нельзя, наконецъ, въ нашихъ добавленіяхъ не формулировать окончательно *отношенія* начала системы Беккеристовъ къ началу системы Аполлонія. Какъ читатель могъ уже замѣтить, мы предпочитаемъ сима-

сіологическое начало системы Аполлонія началу системы Беккеристовъ; система Аполлонія отличается передъ системою Беккеристовъ не только отсутствіемъ сбивчивости, но и *единствомъ*. Въ то время какъ система Беккеристовъ представляетъ изъ себя *смѣсь* логическаго начала съ симасіологическимъ (*подлежащее* и *сказуемое* суть термины логическіе, а *дополненіе*, *опредѣленіе* и *обстоятельство* только и могутъ имѣть смыслъ какъ термины симасіологическіе), система Аполлонія свободна отъ всякой примѣси. И хотя мы уже намекнули на то, что и системѣ Аполлонія не мѣшало бы воспользоваться и *логическою* почвою, на которой развились *подлежащія* да *сказуемыя*, однако мы надѣемся разъяснить въ ближайшемъ отдѣлѣ нашего сочиненія, что эта почва въ синтаксисѣ Аполлонія могла бы имѣть—да и вообще въ синтаксисѣ должна имѣть—только *подчиненное* значеніе, которое опредѣляло бы собою не *разряды* синтаксическихъ явленій, а только ихъ, быть—можетъ, самые мелкіе *подразряды* и отъ котораго не пострадало бы единство системы.

(Всю систему Аполлоніева синтаксиса, а также и планъ его сочиненія περὶ συντάξεως—мы изложимъ въ слѣдующемъ томѣ «Извѣстій»).

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР